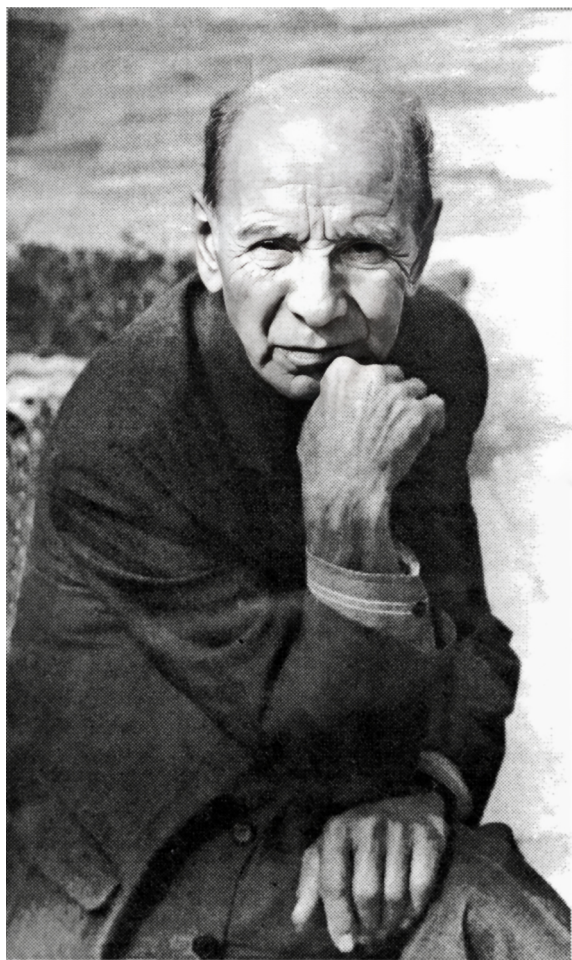

МИХАИЛ АСЛАМОВ

ПОДКОВА В НАСЛЕДСТВО

*Светлой памяти матери и отца ~
Ольги Ксенофонтовны и
Феофана Фадеевича,
ПОСВЯЩАЮ*

МИХАИЛ АСЛАМОВ

ПОДКОВА В НАСЛЕДСТВО

КНИГА СТИХОВ

г. Хабаровск

1999

Книга издана при поддержке краевой администрации

Рецензент и редактор П.В.Халов

Художник С.А.Чешкин

Комп. набор, верстка Е.И.Переверзев, И.В.Линовическая

Автор сердечно благодарит за помощь
Бочарникова А.Н. и коллектив
редакционно-издательского центра "ПРИЗ"

АВТОР О СЕБЕ И В СВЯЗИ...

Со времен В.Маяковского вошла в обиход присказка: "Говори о себе только хорошее, а плохое о тебе скажут твои друзья". Вот возникла возможность сказать о себе, но на "хорошее" не тянет, да и посыпать главу пеплом, "быть в жали", как говорили наши предки, не хочется...

Эта моя книга (или книжка) стихов условно приурочена к семидесятилетию автора. Но на круглых датах своей нескладной жизни я никогда не замыкался, как выражаются ныне, ибо все это дело неземное: когда скосит, тогда и покатишься на своих круглых датах. И выходом этой книги я обязан друзьям (есть все-таки!) и, пожалуй, неожиданному упорству автора, желающего оглядеть свое "средняцкое" поэтическое хозяйство: что в нем есть, кроме "хоздвора"? И, может быть, затронет она моего читателя, который, по моим наблюдениям, выжил и проявляет интерес к моей поэтической судьбе из любви или устойчивой неприязни. Я говорю о неприязни, ибо есть люди, которые не могут жить без врагов, без некой отрицательной энергетики. Я говорю о моем читателе, ибо действительно он есть, и в сознании моем отпечатан его "фоторобот" по нравственно-этическим признакам: я знаю какой он судьбы, какие книги читает, что пьет по утрам... Такая вот длинная присказка.

А жизнь моя вполне укладывается в лапидарную формулу того же В.Маяковского: "Я родился, рос, кормили соскою, / Жил, работал, стал староват". Я бы отметил глагол работал": мне кажется, что начал я работать сразу после прощания с соскою. И то подумать: с шести лет пошел в школу, а тринадцати с небольшим встал к станку — 9 мая (какая дата!) 1943 года. О той поре только скажу: недетское это дело — война и работа. А потом учился "чему-нибудь и как-нибудь": Комсомольский-на-Амуре судостроительный техникум, учеба в Иркутском университете заочно, Высшие литературные курсы в Москве.

Посвятил я эту книгу своим родителям — так неизбежна моя сыновья благодарность и печальное запоздалое сочувствие им. Не чета мне были родители, я сам такой благодарности не выслужил. Как они, бедолаги, мыкались! Многодетная семья забайкальского казака-крестьянина в конце 30-х годов покатила на восток; сначала зацепилась за станцию Бира, чтобы дать обсохнуть младенцу Мише, а потом дальше, теряя по дороге детей,

— Уссурийск, Владивосток, Ольга, Находка — и бросила намертво якорь в заливе Опричник - Каменка ныне Дальнегорского района. А в Хабаровске я живу с 1950. Здесь свои вехи: завод имени Горького (многому он меня обучил), совнархоз и — краевая писательская организация. Вот почти все о себе. Осталось — о своих связях, прямых или косвенных, с литературой.

О нас иногда говорят: он работает в поэзии. А она сама в нас работает. Она — любима и безжалостна, Бог ее породил да дьявол окропил. Писать я что-то путное начал в шестидесятые годы. Шестидесятые, шестидесятники — сколько о том понаписано! Развенчивание культа Сталина, провалы в официозной идеологии, треск, пока по швам, тесного пиджака соцреализма, сковывающего движения литературы; Александр Твардовский читает Хрущеву в Крыму “Теркина на том свете”, в тайных списках ходят по рукам М.Цветаева, А.Ахматова, О.Мандельштам... Разогретые до экстаза стадионы — выступают Е.Евтушенко, А.Вознесенский, Б.Ахмадулина, Б.Окуджава. В моей памяти обласканный властями писатель, Герой Труда опускается на колени перед крепеньким еще, но измочаленным за 17 лет лагерей ГУЛАГа человеком: “Прости, Коля, за все... Не ведал...” Человеку стыдно: “Брось!.. Вот отстегни от своей свиты Михаила, пусть со мной будет.” Мужичок этот — писатель Николай Иванович Мамин, он меня оберегает, отодвигает от власти, это я пойму потом... Шестидесятые... Меня поражает жалкость нераскаянности, непримиримости на лице покойника, в изголовье которого стою в почетном карауле: умер Илья Эренбург. Шестидесятые... А я здесь никто, то есть — “кто”, но не “это”, я попал сюда случайно, между заводскими сменами! Простите... Это все ощущения того времени.

И тоже шестидесятые: в 1966 году по распоряжению Главлита арестовывают мою книжку стихов за неаккуратные строчки: “К речам высоким в наши дни народ / Стал осторожен. Он ли в том повинен?..” Провинции это не прощают. Но яростный Сергей Наровчатов выступает в “Правде” с огромной статьей о поэзии, где отвел мне целую колонку — и книжка пошла. Сергей Сергеевич Наровчатов... 20 июля 1981 года в Коктебеле, где отдыхаю с дочерью Дашей, я провожаю по аллейке тяжелого, грузного, с землистым и потным лицом человека. Он мне — как старший брат, Сергей Наровчатов — поэт, главный редактор “Нового мира”. Ему тяжело,

присели, произнесено несколько фраз. Он меня любит еще и за то, что никогда у него ничего не просил, только однажды — копейку на бутылку водки. Этой ночью я выскочу на шум машины — “скорая”! И уже 22 июля он умрет, Сергей Сергеевич, на хирургическом столе в Феодосии после ампутации ног, которые отморозил на финской войне и на которых смог еще пропахать и Отечеством...

Вспоминаю — и благодарность, и боль плавятся в сердце. Ах, какие были у нас учителя, наши старшие товарищи! Замечено: чем крупнее мастер, тем щедрее сердцем, тем внимательней. Вс.Н.Иванов — могучий человецище, прочитал в молодежной газете стишок какого-то заводского поэта — и откликнулся письмом на двух листах! Нашел адрес и написал. Ему казалось, что это важно. Я бы мог назвать многих прекрасных людей, помогавших мне на выходе: С.Смоляков, А.Рыбочкин, и Н.Наволочкин, и П.Халов, со строго оценивающим взглядом Ю.Шестакова, и незабвенный Марк Соболев, и А.Межиров, и дорогой Борис Ручьев — “лагерник”, автор “Красного солнышка”. Он скрывался у меня в комнатухе, в Москве, от столичных доброхотов, перед поездкой в Югославию... Поклон им всем — их памяти и счастья им, живущим. Была такая формула: человека учит коллектив. А по-моему, все-таки человек учится от человека, коллектив приучает к стадности, при всем при том, да еще при писательском деле.

В годы моей молодости поэты жили между собой по законам цехового братства: поэт поэту — кунак. Тогда много спорили о поэзии, о поэтах. “Поэтов надо беречь!” — призывали одни. Но вступали оппоненты: “Поэта надо гнать, как зайца. Иначе он вымрет, как вид!” А мне думается, поэтов надо любить. За что? А вот так, ни за что. Помните, у Межирова?

Люби меня за то хотя бы,
Что некрасивый я, и слабый,
И не пригодный ни к чему.

Ныне горько убеждаюсь: стали мы друг к другу равнодушны. Это, скажем, Виктор Астафьев мог пробиться сквозь толпу, докричаться, чтобы сказать тебе: “Читал. Молодец, дружище!..” Или кто-то из “шестидесятников”, затерянный, неожиданно вдруг откликнется письмом на этикетке от “Агдама”: “Читал. Спасибо, дружище...” Помню,

меня, почти что инопланетянина для Москвы, знакомят с Ярославом Смеляковым, утверждавшимся после своих энных лагерных лет, а он скрипуче говорит: “А я его знаю. Вот ты какой...” Как он мог разглядеть и почему-то выделить для себя?

Когда я пишу стихи, то часто люблю “заходить” на чужое поле — на поле прозы. На этом стыке и работаю. Критики это замечали и нещадно ругали. Тут требуется особая инструментовка, чтобы не свалиться “в прозу столбиком”. У каждого, наверное, свое отношение к поэзии, свои законы. Антокольский, вслед за М.Цветаевой, восклицал: “Бог поэзии ритм!”, Д.Самойлов углубился в рифмовник. Не верьте никому: наш бог — интонация! Ребенок, не умея говорить, именно по интонации точно улавливает, какой человек с ним говорит: злой, добрый... В стихотворении можно урезать длинноты, но не нарушь интонацию! Даже вычеркнутое междометие нарушает ее. И стихотворение “утухнет”. Это говорю молодым, хотя и не к месту. Интонация — а все остальное, как говорят мастеровые, “примочки”, “приблуды”.

И должен разочаровать своего читателя: большой поэтической судьбы мне не было уготовано. Во-первых, что Бог дал. А потом — губила меня на пути к поэтическим высотам, так сказать, отцовская по крови страсть — “пострадать за общество”. Его ведь за это чуть было не расстреляли красные в Гражданскую, а следом пришли белые — и затолкали его в “вагон смерти”, едва спасся. Но несправедливость настигнет его — и посадят его, плотника, за связь с японской разведкой и антисоветскую пропаганду. И по своему характеру я оказался находкой в безалаберно веселом, требовательном и обидчивом писательском коллективе. В коллективе, который в полушутку я называл “форпостом соцреализма на Дальнем Востоке”. Крепкие были у нас люди, идейные, “гвозди бы делать из этих людей”. Но я, беспартийный, весьма сгодился на роль “козла отпущения”, в этой роли и состою вот уже тридцать лет. Интересно!

Когда-то великий Н.К.Рерих писал: “Свет, Добро — живут в человеческом сердце. “Работайте сердцем”, — это высшая похвала трудящемуся”. Поверьте мне, я писал эту книгу, работая сердцем. Что вы, читатели, скажете трудящемуся поэту?

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

БЕССОННИЦА ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Здесь, под горушкой Стародубкой,
Что в кровь истерзана порубкой,
Моя избушка — словно дзот...
И — ночь. И тишь.
А мне не спится.
Дамыш-полевка половицу
С остервенением грызет.

И душно.
На ночь в поздний вечер
Не возжигало небо свечи
И никли мертвенно кусты...
Неужто это от погоды
Так мучит чувство несвободы
Меня и ночь — до немоты?

Мне объяснили: это возраст.
На многоточье сходит возглас,
И жизни всей — глоток до дна...

(А этамыш — как заводная!
Она, наверно, молодая,
И мстительна, и голодна...)

Вот этимышы привязались!..
А может, душу гложет зависть
До ломоты в твоей башке
К ним, к ним — летающим,
 парящим,
Почти по-птичьим говорящим
На скорости, на сквозняке,
С электролирой на руке?

(А что сейчас на "Маяке"?..)

Как рвутся к правде!
Бога ради!
Я знал ее при всем параде,
Да очи выела вина.
Она, забита,
но двужильна,
Там,
в лагерях со спецрежимом,
Оплакивала меня...

(А не возжечь ли мне огня?..)

И вот живу и глаз не прячу...
Какое время!
Даже зрячим
Нам полагался поводырь:
Он знает все, он все запишет...

(А половицу за ночь мыши,
Наверно, изгрызут до дыр!..)

Вот так. И все.
И успокойся.
А поутру водой умойся
Колодезной — и вся беда.
Но — это злое чувство
долга!
Как ощущение осколка,
И не вздохнуть.
И — немота...

(Я все же заведу кота.)

ПОДКОВА

“...А сам стою с разогнутой подковой
И слушаю, как падают слова”.
А. Межиров

Конь бежит, прядет ушами,
Сани мчатся, будто сами,
Впереди лесоповал.
Славно

при попутном ветре!
Но на пятом километре
Конь подкову потерял.

Чешет плешь хозяин-плотник:
Конь, конечно, не работник,
Поворачивай, не ждя.
Коль в селе кузнец рисковый:
Это надо же, подкову
Прицепить на два гвоздя!

И вернулся снова к кузне
То ли грустный, то ли грузный,
Не работал, а устал.
А кузнец могуч и весел:
— Чо ты уши-то развесил?
Заводи кобылу в стан!

Плотник — тоже мне, философ! —
Дышит тяжело, смотрит косо,
Негодует, не грубя:
— У хозяина бы раньше
Ты б такой не сляпал фальши...
Власть испортила тебя!

Ты бы Власть, мужик, не трогал!
С этим делом было строго,
А кузнец-то был во зле.
Дышит время непокоем,
И чекисты под рукою
По своей нужде в селе..

Ну и за полночь "забрили".
Но, конечно же, не били,
Раз и ткнули о заплот.
Крюк дверной с испуга клацал,
Молча резали матрацы:
Знать, искали пулемет.

Сын меньшей — в руке трусишки,
Недвижим. А где братишки?
Да жена дрожит без слов.
Дело делают ищейки.
Братьев нет — на комячейке,
Дел у них — до петухов.

А мужик сидит сутуло.
Жили-были — ветром сдуло,
Скрючен, скучен под виной...

Через две зимы, под лето,
Не понятно как одетый,
Но вернется в дом родной!

Виновато улыбнется,
Сын меньшей к нему приткнется,
В суете смешной жена.
Под глоток соседской бражки

По ухабам, напрямик?
Седоки, как есть, блажные,
Рвут постромки пристяжные,
Без подковы коренник.

Пыль да грязь.
Да вот усталость...
А какая открывалась
Даль с отцовского крыльца!
И осталось от бывшего —
Только ржавая подкова
От отца и кузнеца.

Внове все ему
и так знакомо!
Этот вечный шабаш среди бед.
Ишь как пляшут на былых иконах
Штатные застрельщики побед!

Что же ему делать?
Объясните!
Ведь за прошлым света не видать!
Может, крикнуть:
— Милые, простите!
Или жизнь анафеме предать?

Обожжет вдруг болью
 исподбровья
Встречная — вина или беда...
Все, что мы
 отхаркиваем с кровью,
Называлось верой и любовью —
И не отмахнуться никогда.

* * *

Война в начале только.

Я в тылу —

Неопытный еще, неогрубелый.

Но — фронтовик, оттуда,

самый первый,

На костылях проходит по селу.

А помнится, был вздорным мужиком!

И до войны среди ловцов бывалых

Всерьез не принимался.

“Поддувалом”

Его дразнили. Был он печником...

На первозданной белизне зимы

Казался он подбитой серой птицей.

Смотрел, не узнавая, в наши лица...

Он явно знал, чего не знали мы.

И вроде стал он приходить в себя,

В кругу односельчан у скудных рюмок.

Но, волосенки сына тербя,

— Я видел смерть, —

сказал он вдруг угрюмо.

И смолкли все. И, чем-то смущены,

Ловцы, не раз гостившие у смерти, —

Они в глаза ему

смотреть не смели.

— Он видел смерть! — шептались пацаны.

* * *

Прошлого стали стираться детали.
Прошрое, воле моей вопреки,
Вдруг полыхнет
 из померкнувшей дали
Светом простора,
 дыханьем тоски.

В этих зарницах
 страдается сладко
От нарастающей поздней любви,
Горе,
 немыслимое до припадка,
Счастье,
 замешанное на крови...

Вспомнить:
 когда и какое число...
Помнится все,
 что однажды прожгло.

Что-то тайное высказать хочет
По секрету, да я не пойму.

Я нездешний, трава.
Я пришелец,
Я спустился сюда по лучу.
Мне б уснуть под беспмятный шелест.
Не мешайте. А то улечу...

В ТО ЛЕТО...

Памяти Н.И.Мамина

В то лето, такое дождливое,
Что я на глазах раскисал,
Какие же письма счастливые
Мне с Севера друг писал!

Как будто приветы от ангела,
Голубенькие насквозь.
А жил он на острове Врангеля,
Где быть мне
 не довелось.

Там тундра мягка, как бархотка,
Там правит судьбой азарт,
И вместо людской барахолки —
Роскошный птичий базар.

Устав от трудов
 и памяти,
У кромки, где спят моржи,
Дрыхни,
 на бивень мамонта
Голову положив.

И снова — и льды, и тундра,
Прекрасная без прекрас...
Ах, как ему, видно,
 трудно
Жить было среди нас!

А в общем-то было всякое,
Знать, выздоровел мой друг.

Но только
письма иссякли
Как-то внезапно, вдруг.

И жизнь показалась пресной,
И сковывал сердце страх...
Я после узнал из прессы,
Что друг мой
погиб во льдах.

Как это звучало нелепо!
Затерло каким-то льдом
Его, кто и жестко, и слепо
Ломан был
в тридцать седьмом.

Где-то над льдами паковыми
Чайка его кружит...
А я его
не оплакиваю,
Он был золотой мужик.

Тоскуя оленем по ягелю,
Я тоже вот, может стать,
Уеду
на остров Врангеля,
Буду моржей считать...

В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Н. Демиденко

В дни перестройки иль переворота,
Когда взбурлил по-бражному народ,
Он выпал, как бы вдруг, "из оборота"
И вот живет "в себе", как будто крот.

И правит огород, и дров нарубит,
Все на себе, как скажет, "на пупу".
Но вот придет тот день — святой и любый,
И солнышком промоет всю избу.

Он свежую рубашечку достанет,
И брюки, отлежавшие свой срок.
С женою Ирой, словно на свиданье,
К родителям пойдет, "на бугорок",

Там, где лежат Прасковья с Родионом,
На сопочке, на взлобье за рекой.
Их отпевают птицы в тихих кронах,
И он "пригубит" сам за упокой.

О, как ему завидую тогда я!
А где мои — могилок не найдешь...
И черствости душевной потакая,
"Все некогда", — скажу. А это — ложь.

И молча он могилки обиходит —
А чем еще им можно отплатить?
И спросит про себя, не при народе,
У них, родимых: — Как же дальше жить?..

Но я испорчу этот праздник Коле,
От зависти, и это он поймет:
"Когда, — спрошу, — покроешь крышу толью?
А то и дом родительский сгниет..."

* * *

Спит село на Осиновой речке —
Прикипает к ладони щека —
Под целинною пустошью млечной,
Не затронутой плугом пока.

Хорошо мне, на лавочке сидя,
Отрешась от забот и обид.
Дрыхнет тот, кто меня ненавидит,
И кто любит, наверное, спит.

Почивает собака на сене.
Тишина... Может, вправду, дана
Ночь такая душе во спасенье,
Безоглядно открытой до дна?

Не с того ли под звездным сияньем,
Ощущая струящийся холод,
Все шепчу я слова покаянья,
Хоть не знаю — а в чем виноват?

Атеист, затерявшийся в чаще
Шумных будней, учусь понимать,
Что, наверное, все-таки чаще
Надо к небу глаза поднимать.

Разочтись, хоть итог и не сладок,
С прошлой жизнью, уйдя от тщеты.
И составь на пустяшный остаток
Гороскоп от звезды до беды.

Но любой гороскоп не сгодится,
Ибо, верен науке своей,
Не учтет ведь астролог в таблице
Огонек сигаретки моей...

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДУМЫ

О чем он, устроясь на камне,
Задумался в виде природы,
Безвольно босыми ногами
Взбивая проточную воду?

О том ли, что впору напиться,
Имея бы энную сумму,
Покуда в далекой столице
Идет заседание Думы?

Занять? Так любой рассмеется.
Потребуй долги по ремонту —
Директор совхоза сошлется
На происк Валютного фонда...

Сидит он на фоне заката,
Печалью питая молчанье.
Но слышит, как милая хата
Его окликает мычаньем:

Мол, плюнь ты, хозяин, на эти,
На все мировые раздоры!
Цветут огуречные плети,
А скоро пойдут помидоры.

И пусть колобродит столица,
Порочная жизнь городская!..
Проточная льется водица,
Усталые ноги лаская...

СТОРОНА ДОРОГАЯ МОЯ...

Сторона дорогая моя, это ты ль?..
Здесь, где дожди мыли пыльный пустырь,
Вместо изб-вековых скособоченных,
Совершенство домов шлакоблочных.

Все, что было, то сплыло, как смыла река..
Из-под наимоднейшего козырька
Клуб — преемник бараков прогорклых,
На окрестность взирает с пригорка.

И поселком родным я брожу, изумлен,
Только столб телеграфный от старых времен —
Долгожитель, безмерно уставший,
С поперечинкой, косо свисавшей,

На подпорке стоит инвалидом седым.
Я-то помню,

я помню его молодым!
Возбужденный струной напряженной,
Гулким раструбом вооруженный,
Он на всю-то округу и пел, и вещал,
И на тайные думы людей отвечал —
Над толпою, где хлебный ларечек
(Жив ли муж, а у этой — сыночек?..)

И старухи, не веря уже в ворожбу,
Стариков выгоняли: сходил бы к столбу!
И стекалось от шатких крылечек
У столба поселковое вече.

А слова — точно гири в толпу со столба!
И стонала от тяжких ударов толпа.

И стонала, и губы смыкала,
Так, что гневом душа закипала.

А потом — а потом ликования слова!
Словно птицы из щедрого рукава!
Победителей памятный митинг..
Вот какой этот столб знаменитый!

Столько видеть и слышать ему довелось!
Видно, время в его сердцевине спеклось,
Коли дожил он до новоселов,
Не в пример одногодкам веселым.

А к столбу вдруг лихой сорванец подбежал,
Он в руке круглый камушек крепко держал —
И пристукнул небольно и глухо
По столбу и приник к нему ухом.

— Что там слышно? — я спрашиваю врасплох.
Он глядит отрешенно, как будто оглох,
Или чем-то плохим укорили..
— Почему этот столб не спилили?

— У него и спроси, он и сам не немой..
Он стучит, словно с кем-то на связи прямой,
Словно с ним собеседник занятый
Говорит, да язык непонятный....

* * *

Приехал под родительскую крышу.
По-праздничному суетится мать.
Стара уже.

Почти совсем не слышит,
А мне так много надо ей сказать.

Мне в кои веки этот час дарован
Наговориться с матерью своей!..
Кричу ей:
— Мама! Как твоё здоровье?!
— Ага, коровье, — говорит, — испей.

И мне парного кружку подвигает:
— Ты с шанежками, знатно хороши...
И смотрит,
 смотрит, горестно вздыхая,
Как пью. Как ем. В глаза мне.
 В глубь души.

Да, словно в глубь души моей неясной.
(Она и мне, как темный лес, — душа!)
Так солнышко
 сияет сквозь ненастье,
Так летопись читают не спеша.

За все страдания божьей благодатью
Вдруг осенило на исходе дней —
Прозрение!
 И все, как есть, видать ей,
И все понятно в черной книге ей.

И замкнут слух —
 что в пустозвонстве глупом,
Когда священнодействует обряд!..
И скорбно шелестят сухие губы,
И что-то с дрожью руки говорят.

ПОМОЩНИК

Июль пьянящ, как медовуха!

И солнце рыжее в зенит

Уже взбежало,

а над ухом

Комар назойливо звенит.

Ногам и горячо, и колко,

И словно угли на спине...

Нам с мамой некогда — прополка,

И это так понятно мне!

Я тяткой взмахиваю споро,

От мамы я не отстаю.

Вот жалко, что обед не скоро,

А я немного устаю.

А мама, видно, есть не хочет,

Платок у мамы пропотел...

— Ты б влез на дерево, сыночек,

Да мне бы песенки попел.

Уважь...

И, отдохнувши малость,

Взялась за тятку. Я ведь мал,

Чтобы понять, что это —

жалость,

Я все за правду принимал.

Пою на дубе высоченном,

Добро, что рядом — никого!

Хочу, чтоб маме

облегченье

От пенья вышло моего.

Про "штормовые ночи Спасска"
Пою — как будто бы пою.
А сам гляжу,
 гляжу с опаской:
Не больно ль весело пою?

Я в песни вкладываю душу!
А маме некогда смотреть.
И песни глуше, глуше,
 глуше...
И вовсе расхотелось петь.

— Что кончил? Надоело, видно?..
— Угу. —
Пылится полоса...
Смотреть мне почему-то стыдно
В родные добрые глаза.

МУРАВЕЙ

Из разговора с внуком Артемкой
(четыре с половиной года) весной в парке:
— Деда, сейчас опасно ходить по дорожкам.
— Почему же?
— А вот муравьишка будет перебегать
дорожку, а ты не заметишь и наступишь
на него. А он умрет...

Внук, кровиночка, человечек,
Дай тебя подниму на плечи —
Как под вечер потяжелел!
Видно, насуетился слишком,
Словно крохотный муравьишка,
Тот, которого пожалел.

Тоже ведь работяжка скромный:
Ишь, несет себе
груз огромный,
Может — травку, а может — злак.
Бескорыстен, как ты, заботник:
Каждый день для тебя — субботник,
Что ни сделаешь — все "за так".

И снует, снует челночок,
Сьел конфеточку и молчок!

Поиграй с ним чуток, не боле...
Как мне славно с тобой на воле
В поле, в парке или в саду!..
Ты всегда для меня — награда.
И за горестную ограду
С этой памятью я уйду.

Упаду где-нибудь в развилке,
Стану горькою чернобылкой
(А, быть может, и — муравьем!..)
— Что же ты загрустил, приятель?
Слышишь, стучает? Это дятел...
Ну, и где наш
 трудожка-гном?..

А тебе — жить и жить в охотку!
Править миром, а может — лодкой,
Лишь бы правилось по любви.
Будешь ладным, большим, высоким!..
Только ты на меня жестоко
Ненароком
 не наступи...

* * *

Вовсе не скучно
Под серую сенью...
Сам я стал тихим,
Как дождик осенний,
Осиротелым полям не постыл.
И ничего наперед не обещано...
Дождика в листьях
Невнятица вещая
Выше
 пророчеств кукушки
Пустых.
Только постичь ее люди
Бессильны...
Перескажи,
Переводчик-осинник:
Что там творится сейчас
В небесах?
Сколько
Отмерено мне на часах?

БИРА

Виктору Астафьеву

Засмущаюсь в дороге прогонной,
Словно что-то исполнить пора,
Всякий раз, как в окошке вагонном
Обозначится имя — БИРА.

Что исполнить — давно мне известно,
Потому и смутилась душа,
Что и ныне вот
данную местность
Проскачу, неприлично спеша.

И опять за делами своими
Позабуду ее вдалеке,
Вспоминая короткое имя
В подорожном казенном листке...

Вот нагряну, надеялся, в отпуск,
Похожу от крыльца до крыльца,
Феофана Асламова отпрыск —
Может, кто-нибудь помнит отца?

Кто там помнит? Прошло
столько лет уже,
Он тут пожил — как будто в гостях:
Рвался к морю,
да баба последышем
Разрешилась в пути, второпях.

Ах, отцы!
Точно шанежка, сладкая

Тяга древняя к дальним краям...
Становились нам станции бабками
Повивальными,
их сыновьям.

Как там было, в предпамятной дали?..
Но я знаю: как только могли,
Эти станции нас
обряжали,
Эти станции нас
берегли.

Всем, что было, умели делиться.
От душевной своей доброты
Теплым мякишем
в чистой тряпице
Затыкали голодные рты...

На перроне стою виновато,
Словно ласкою мать обделя...
Так зазывно
мазуют и мятой
Пахнет раннего детства земля.

А уж колокол вызвонил зычно
Отправленье. Составу вослед
Покачнулась Бира,
словно зыбка,
Из которой я выполз на свет...

* * *

В ночь, беззвездную, как бездна,
Снова вспомнил об отце...
Долго с ним перед отъездом
Просидели на крыльце.

Был еще он вроде б в силе,
Мирно трубочку курил.
Говорили, говорили...
Больше я все говорил.

Мне б тогда припасть сердечно:
Батя, мол, благослови!
Ну, а я ему — про вечность,
Про учености свои.

Меж речами златоуста
Уловив, однако, брешь,
Он сказал мне грустно-грустно:
— Ты, сынок, побольше ешь.

А не то, — добавил хмуро,
Прядь седую теребя, —
Эта самая культура
Паром выйдет из тебя...

Ну, молот я — вспомнить стыдно!
Больно метят нас года.
Он-то жил, хоть и несытно —
Не бахвалясь никогда.

Ставил срубы — глянуть любо!
Бога попусту не клял.

Сколько помню, словом грубым
Никого не оскорблял.

И, воспитывая сына,
Сам поднявшись из заплат,
Не жалел он керосина
И других каких затрат.

Так и жил — не для парада,
А для жизни в трудный век,
Потому как он, взаправду,
Был культурный человек...

Ночь замыла деревеньку,
Затуманила лицо...

...Поднимаюсь по ступенькам
На отцовское крыльцо.

Но сердце покорно замрет,
Когда он светло и щемяще
«Про родину что-то поет».

Напомнит игрой безыскусной
Все то, что успели забыть,
Уча нас
 большому искусству
Родимую землю любить.

Марку Соболю

Вновь прихожу к тебе,
Чита, с любовью давней...
По жизни,
по судьбе —
Как свет в окне, Чита мне.

Прости меня, прошу,
Прости, как древо — ветку,
Что редко приношу
Цветы на землю предков.

С ключей начнет ручей
Далекий путь до устья...
По родине ключей
Я — ручеек даурский.

Еще жива, свята,
Чалдонка, нехристь —
мама...

Прими меня, Чита,
Родню по сути самой.

Прости ты мне, любя,
Что, торопясь по зову,
Достойного тебя
Не отыскал я слова.

Но я ведь не забыл,
Как ты
 пред целым светом
Дала мне чувство крыл

И нарекла поэтом.

Откуда было знать —
Не тем был озабочен, —
Что возвела
 не в знать,
А в сан чернорабочих?!

Мне твой завет хранить,
Не думая о славе.
И вправе ты казнить,
И миловать ты вправе.

1966

В МОСКВУ, НА УЧЕБУ...

Свет забытья
 без мерцания
Сизо-фиалочный
Мир обезличит —
и снова возникнет,
Рисков,
Профиль расплывчатый
 девочки —
Провинциалочки —
И замирающий цокот ее каблучков.
Как, уходя, она врезалась,
Бойко угластая,
В уличный мощный поток,
Головенкой вертя!
И приняла ее улица
 так понимающе ласково,
Осознавая, что все-таки
Это — дитя...
Радость и боль — наши дети,
 желанные,
Поздние!
Чутки на оклик
И глухи покуда на зов.
Как они бредят и рвутся
Дорогой непознанной
Прямо по праху иллюзий
Усталых отцов!..
"Не торопись уходить!.."
И — теряю, теряю...
И наплывает на сердце
Глухая вина.

Нынче тебе ее —
 слышишь, столица?! —
 вверяю,
Так сохрани ее —
Как ей защита нужна!
Как же смешна она
В спешной своей деловитости,
Словно почуяв:
Отцовский ослаб поводок...
Так накорми ее
 варевом знаний
 до сытости,
Чтоб не тянуло ее
На похлебку изжеванных догм!
И утоли, не жалея,
Ее неумную жажду,
К вечным источникам
 дверь укажи —
И поверь...
Вот и она затерялась
Среди твоих граждан,
Хоть и приемная,
А Ломоносова дочь.
"Не оглянулась!.." —
И сердце кольнула обида.
Я по злопамятству
 все запишу
На песке,
Ни на мгновение
Не выпуская из вида
Синюю жилочку
На беззащитном виске...

НЕНАСТЬЕ

Смыт горизонт, и солнца нет давно,
И мелко сеет дождик морозящий —
Он, словно подаяние просящий,
Скребется в листьях,
просится в окно.

Погодка — в пору б умереть с тоски,
Не будь бы мне доподлинно известно,
Что там, в лесу продрогшем,
повсеместно
Грибы сейчас привстали на носки.

И вот бредут, ножонки оголив,
Промокшим лесом, нахлобучив шляпки.
Их — хлебом не корми,
а дай пошляться,
Беспечным детям матери-земли.

ОБНОВА

Столкнулись на улочке,
к рынку
Сбегающей вниз под откос.
Он бойко шагал и ботинки
Под мышкою бережно нес.

Навстречу улыбкой светился,
Довольный судьбой по всему.
— Вот видишь, брат, прибарахлился!
И я улыбнулся ему.

— Зашел тут к богатым ребятам,
И вот, — говорит, — подобрал.
И я засмеялся: — А я-то
Подумал: неужто украл?

Он с грустью: — Поношены малость, —
Царапая скос каблука...
И я подавил в себе жалость:
— Зато, брат, подошва крепка!

И он приосанился браво:
Мол, видишь — живу — не тужу.
— Вот жмет, брат, немножечко
правый...

Но я-то его разношу!

А время катилось под осень,
И твердо при пасмурном дне:
— Конечно, дружище, разносишь! —
Я с ним согласился вполне.

* * *

Мальчишка спит.
Как будто на лету,
Уже вконец измученный полетом,
Он выпал все же
Из круговорота
На крышу "Фотографии",
В порту...

Спит пассажир.
Фонарный зыбок свет.
И над землей
Туманно и тревожно.
И сны его туманны.
И надежно
Зашит в подкладку пиджачка
Билет...

Медлителен в круженье
Шар земной,
А крепко же мальчишку укачало...
Под чье он попадет теперь
Начало? —
Он,
Рассчитавшись с мировой войной?..

Край неба начинает розоветь.
Пусть он поспит
Перед дорогой долгой...
Как гонит жажда
Вновь вгрызаться в догмы

И жадно в рот учителю смотреть!
Вот отдал —
И не дрогнула рука! —
Он за билет
Свое "пшено" на рынке...
То не над ним
В порту рыдает
Рында.
Но — бог храни
Подкладку пиджака!

* * *

Выпускникам 1950 года
Комсомольского-на-Амуре
судостроительного техникума

Этот
 послевоенный набор:
Выпускник семилетки
И при всех орденах
С ним рядочком
Комвзвода разведки —
И сжимает он ручку
Чернильную,
Как парабеллум,
Перед бруствером грозным
Наук корабельных.

Храм науки...
Вернее же — цех, а не храм.
Беспощадным звонком
Он жестоко будил по утрам
Нас,
 смертельно измученных
Гонкой авралов ночных
На подряде у станции
Возле вагонов мучных.

Но отроду был город —
Словно бы справедливость сама:
Никогда,
 никому,
 ничего
Не давал задарма!

В пиджачках довоенных
Взывали к нам учителя —
И долбили, долбили,
Волнуясь, страдая, коря.
И, от “неудов” злой,
Пусть комвзвода бормочет:
“Фашисты...”

Он еще им поклонится —
Слабым,
безжалостным,
Чистым...

Помню все.
И над пайкой

скупое дрожанье ножа...

Но — как вольно душе,
Если нету за ней ни гроша!
Да примите в расчет:
Время к лучшему явно течет,
За плечами — Победа!
А все остальное не в счет...

Память — словно бы остров
Над полой водой суеты...

Не сюда ли в отчаянье
Ухожу я от новой беды?
И прохватит нежданно
Неистовый ветер сквозной!
И увижу себя вновь бегущим
Туда,
к проходной,
Средь солидно идущих,

И вправду, сейчас, как птенец,
Я мечусь, тороплюсь —
Не измерзнуться чтобы вконец!
В парусиновых туфельках,
Стеганка под пояском —
Я бегу, набавляя,
Мне только и можно — бегом!
Я влечу в проходную,
К батарее прильну хоть на миг...

Лишь на миг — он достанет
До "птичьего" сердца, как вскрик!

Жесткой памятью тела
Он будет меня доставать,
Чтоб не смел в круговерти
Друзей дорогих забывать,
Он достанет меня —
И прибавится сердцу тепла...

Он достанет еще,
Как запавшую вену — игла...

ОПЯТА

На пеньке, на развалах корья
Так прелестно белели опенки,
Белой радостью бытия
Отражаясь в глазенках мальчонки.

Говорит: — Пусть еще порастут...
Я и сам перед ними так кроток.
— Обойдемся, — смиряю свой зуд, —
Пусть растут, только век их короток.

Показалось преступным прервать
Связь в природе, как вечную благодать.
Пред ребенком ножом убивать
Беззащитно открытую радость.

Мы вернулись домой не пусты,
С подберезовиками в корзине...
А когда уж пожухли цветы,
Я набрел на то место в низине.

И печально увиделось мне:
На торчащем пеньке одиноком
На холодном осеннем огне
Отгорели опята жестоко.

Для всего свой у времени цвет
Или просто — защитная краска.
И грибы — словно бронезилет,
И пенек — как солдатская каска...

* * *

Я прожил жизнь.

Я не двужилен.

Хочу, как на краю земли,
Чтоб вы бы по-другому жили,
Детишек бы уберегли!

Уберегите их от смуты,
Бродя, пьянея и вразброд...
Вот-вот

с минуты на минуту
Падет на землю страшный год!

Где у тарелки говорящей
Ждем снова правды настоящей,
И усомниться не моги.
Все эти маршалы, наркомы,
Так почитаемо знакомы,
Они враги, враги, враги!..

Я помню это время лютое
И радостное, как парад,
Где пионерскими салютами
Мы осеняли Дантов ад.

Мы только слушали и вторили.
А правда?..

И пробьет слеза.
А мы в учебниках истории
Выкалывали ей глаза...

Пусть грязь сойдет водою талой.
Но средь сомнительных затей

Политиков и криминала
Уберегите же детей!

И пусть не верят просто на слово
Авторитетам и вождям,
А только честному и ласковому:
Цветам, и птицам, и дождям.

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ ИГРАЕТ В БИЛЬЯРД

Среди литдам в комплекции Данай,
Средь литмужчин в комплекции громил
Он пастушок. Он только что с Дуная.
С Овидием он брызну преломил.

Был завтрак прост, как и велит обычай...
И, в творческой толпе росточком мал,
Меня увидит, подмигнет по-птичьи,
И мы пойдем вершить свой ритуал.

Я всматриваюсь в старческую спину
И думаю: какая в нем беда!
Сейчас бы с ним так славно

быть бы сыну,

Но сын ушел из жизни, навсегда...

Он кий прикинет на руке навскидку,
Потом найдем на полочке мелок.
И говорит: — Что ж, ставьте пирамидку, —
И разбивает пирамидку в лоб.

— Арсений Александрович, рискуете...
Шар-гладиатор мчится по сукну...
Додумывая мысль свою какую-то,
Он, отрываясь, отойдет к окну.

Я за спиною рассмеюсь: — Простите...
И торопя непрошенный ответ:
— Мне показалось, что Вы улетите...
Он вскинет брови: — Значит, вы поэт?

И засмущаюсь я: — Да что Вы? Что Вы?!
И ждет игра, хотя и без призов.
И вот опять уже кии готовы.
— Сейчас я Вас раздену до трусов...

И мечутся шары и бьются в лузы.
И весело, и вроде без причин
Он мне о внуке:
— Где находит лужи?
Опять, наверно, ноги промочил...

И вновь о внуке тихо и вольготно:
Опять принес садистские стишки —
О бабке в проводах высоковольтных...
И сам смеется, словно от тоски.

Читает он, и оба мы смеемся!
Но станет вдруг он так неожиданно крут:
— Считаю, что друг другу мы сдаемся,
А я продолжу вновь сизифов труд...

И вот уходит с посохом Овидий.
Я вслед смотрю, не думая о том,
Что больше мне его уж не увидеть,
И это все останется в былом...

СЛОВО К ВОСЬМИДЕЯТИЛЕТИЮ

Будь крепок духом,
брат Григорий Зорин!
Что будет дальше — знать нам не дано.
Страна жила и в горе, и в позоре,
Но горним духом дышит полотно.

Жизнь разобьет светильника
треножник
О шлакоблок, затаптывая в грязь...
Но, слава богу, в мире есть художник,
И с небесами не прервется связь.

22 февраля 1999года

* * *

Девочка-птаха
Играет с утра в телефончик.
Трубочку плотно
Она прижимает к ушку —
И в колокольчике рта
Бьется розовый кончик.
Чем-то взволнована,
Чувствую по голоску.

Девочка срочно звонит
В тридевятое царство
(Это же надо туда
Дозвониться суметь!)
Может, нуждаются там
В дефицитном лекарстве?
Или не знают, где скрыта
Кашеева смерть?..

Подозреваю:
Все дети как есть — телепаты.
(А отчего бы
Сверкали глазенки лучась?)
Как им смешны
Наши теле- и фоно-дебаты,
Если с царями (!)
Прямая у девочки связь...

За полчаса все дела разрешила
И рада
Девочка-птаха.
А я же вот так не сумел,
Хоть абонент мой —
Всего через улицу, рядом,
А у нее —
Аж за тридевять где-то земель!

Настояла все же дочка
А душа у нас мягка:
За наличные, в рассрочку
Приобрел я в дом щенка.

* * *

Друг о друге — так, обмолвки:
Где он? Как он? Между дел...
Он стоял на остановке
И в кармане руки грел.

Он автобус ждал послушно,
Серый шарфик, как флажок,
Заостренную макушку
Грела шапка-пирожок.

— Здравствуй!
— Ты ли?! Вот так встреча!..
Неужели это он?
Тот был весел и беспечен,
Этот — словно с похорон.

Жил он всяко — всласть и юзом,
То удача, то — впросак.
И захаживала Муза
(Все же баба, как-никак...)

Муза — что? Борща не сварит,
В питье — ни боже мой!
С ней, такой, сподручно в паре
Только по миру с сумой...

Пальтецо на нем свисало,
Поднят край воротника...
Ишь как время обсосало
От подошв до кадыка!

Может, вправду, в этой дури
Тот и счастлив, кто бескрыл?..
Говорит: — Давай покурим.
Я свои-то раскурил...

* * *

Любите простые ремесла!
Рубанок бери не спеша,
Почуяв, что явно примерзла
К невидимой тверди душа.

И коль тебе некуда деться
С твоей мировой тоской,
То значит, пора разогреться,
Трудясь над кривою доской.

Пусть потом выходит хвороба,
По капле, на теплую гладь
Доски,
 что годится для гроба
Несчастьям, отхлынувшим вспять...

Пусть будет тоска тебе — пристань
Для малых, несуетных дел,
Что, в бытность свою оптимистом,
К душе подпускать не хотел.

Быть может, и мысли простые
Придут за простым ремеслом:
Мол, сам я себе опостылел,
Но только — не рано ль на слом?

И может, под говор долотца
Тебе, нарушая запрет,
То самое вдруг
 отзовется,
Чему и названия нет?

И в ночь, засыпая со всхлипом,
В делах непривычных разбит,
Ты вздрогнешь от дальнего скрипа:
Не ось ли земная скрипит?

ПОТЕРЯННЫЙ МАЛЬЧИК

Не в альбоме,
 а в хламе бумажном,
Что бывает и нужен однажды
Человеку на бренном пути,
Где так скучно о чем-то,
 про что-то,
Я наткнулся на желтое фото —
И внезапно заняло в груди.

Как могло оно здесь сохраниться?
Я забыл эти детские лица.
Я не молод! К тому же — не брит.
Я и не жил
 в той выцветшей жизни!
Почему же с такой укоризной
На меня этот мальчик глядит?

Кто он,
 в тесном ряду нерушимом,
Этот, в галстучке под зажимом,
И к тому ж — неприлично ушаст?
Но опять он прожег меня взглядом,
Словно криком:
 "Я был с тобой рядом!"
Разрывая невидимый пласт.

Отвернусь...
 И неужто не жалко,
Мальчик тихий, безжалостной палкой —
По затянутой тиной душе?
Не тебя ли
 в дороге усталой,

Спohватившись в тоске запоздалой,
Я однажды оплакал уже?

Это ОН — воробышка угластый
Среди ласточек
 в галстучках красных,
Облепивших так плотно карниз.
Ты к чему мне
 в мой час неурочный
С этой верой твоей непорочной —
С верой в маму и в коммунизм?

Ты зачем в этот мир электронный,
Милый мальчик
 поры патефонной,
Отозвался из небытия?
Не она ли — и боль головная,
И бессонная совесть больная —
Непреклонная вера твоя?!
Ты не птица. Ты просто растение!..

Он глядит на меня без почтения
И не хочет понять ничего.
Перед будущим голодом и мором
Он глядит с непонятным укором
И молчит. Но — я слышу его!

"Ты сумел от меня откреститься...
Я пришел к тебе ныне
 проститься,
Миг прощания не торопя.
Я пришел к тебе
 светом весенним
В пору глупых твоих невезений,

Потому как сильнее тебя!
И не спрашивай, где я таился..."

Мир страдал и несыто роился
На просторах великой страны.
Не заметил я в мраке метельном,
Как упал он,
 уставший смертельно,
Зацепившись за кромку войны.

Ни звезды над его изголовьем,
Ни следа.
Белый ветер безмолвья,
За которым себя не слышать,
Все засыпал вокруг безголосо —
Ни ответов тебе, ни вопросов,
То и можно, что праведно лгать...

Мальчик мой!
 Не оставь и не выдай
В этой жизни святой и обрыдлой,
Где легко оступиться опять!..

Я сегодня средь школьного гама
Оглянулся, пытаюсь упрямо
Не увидеть,
 хотя бы понять:
Где он есть, без угла и прописки?
Не с его ль
 марсианского писка
Содрогнулась пружина звонка?..
Вот мелькнет —
 а заметит ли кто-то? —

Так похожий на этого с фото,
И уйдет... Насовсем...

А пока

Он зовет за околицу быта,
Где надежда еще не убита,
Не ударило небо грозой!
Где кислит простоквашно

свобода

От избыточного
кислорода,
Выпадающего росой.

* * *

Покинул землю самолет...
Певек, прощаюсь!
В иллюминатор солнце бьет...
Не омрачайся!
А сквозь моторы —
 гам и крик,
Галдеж в салоне:
Сезон — везут на материк
Детей с Айона.
И полулежа я гляжу
На ребятишек,
А мысленно еще брожу
По тундре рыжей.
Как жилочка,
 наискосок
По тундре речка...
Стрелой из лука —
 голосок
Взорвался резко:
— Смотрите, лес! —
кричал пострел
Под визг девчонок,
И на плечи мои взлетел
Сосед-галчонок.
— Лес! Лес! —
 зашелся самолет
От криков звонких,
И словно зайчики — взлет —
Вокруг глазенки.
И я
 глазами лес искал,
Оставив кресло.

А там — кустарник протекал...
А где же лес-то?
Средь зеленеющих плешин
Темнела хвоя...
Но — "лес!" —
 кричали малыши,
На креслах стоя.
На креслах ли?
 На мерзлоте,
На той, на вечной!
В полярной жгучей темноте,
Где звезды свечкой.
На обожженном валуне,
На льдине стылой!
И потому-то им — не мне,
Виднее было...
И думал я, до глубины
Души растроган:
Неужто же
 отделены
Полярным кругом
Они
 от черствости души,
Как юг от стужи?..
Кричите громче,
 малыши,
Чтоб знать, что нужен
И вам, и мне
 полярный круг —
Высотным валом,
Чтоб лучше виделось вокруг
Большое
 в малом.

Где очередь ждала угрюмо хлеба, —
С черемухой.

На солнце.

На восход.

И были удивительно легки
Его шаги. И — набекрень фуражка.
И женщина в толпе

вдыхала тяжело

И все глядела вслед из-под руки.

Смотрели дети, вдовы, старики —
Так удивленно, будто бы впервые
За всю войну

ликующе живые

Черемуха роняла лепестки.

Таким высоким слогом!
И помню до сих пор,
Как странно

в слогe чистом

В устах его был вздор
Неотделим от смысла.
Он нес какой-то бред,
Но до того же внятно,
Что вроде б

смысла нет,

А все-таки понятно...
Идет-бредет бобыль,
И всем и вся — поклоны...
А как отзывчив был
На горе похоронок!
Он в скорбный тот листок
Посмотрит — и со вздохом
Вдруг брякнет в потолок:
"Ишь! Объявился Прохор!"

Грозил:

"ужо, постой!.."

Над горем неутешным,
И уходил с едой,
И оставлял надежду.
Как будто тем огнем
Небесным

злая сила

Убила разум в нем,
Но душу

разбудила!

И зван был на порог,
И чтился за пророка:
Пронзил

не зря же Бог

Его небесным током!

ТАНЦЫ

Потушив мировые пожары,
Жарким пламенем битв опален,
По пути
из соседней державы,
К нам в поселок вошел батальон —

Отдохнуть и водицы напиться,
Чтобы снова с рассветом в поход.
И, непраздным влеком любопытством,
Потянулся поселком народ...

Победители истово пили
Из ковшей поднесенных до дна,
И отчаянным блеском слепили
Всех мастей на груди
ордена.

Ветерком среди зрителей смутно
То ли смех, то ли вздох, то ли стон...
Но рассыпался вдруг
баламутно
Перламутровый аккордеон!

Вот разведку, как перед боем,
Перебором солдат завершил —
И сердечное что-то такое
Тихо пальцами заворошил.

Разом — словно прибавилось света,
Точно облако с солнца сошло!
И танцоров
на круге заветном

Закружило уже, понесло...

Были бабы тихи и покорны,
Всю войну отходя в мужиках.
Были платья заметно просторны,
Всю войну отлежав в сундуках.

Но мелодия даль растворила —
Веселей, музыкант, веселей!
Хоть ждала еще

тетка Мария
Трех пропавших в огне сыновей.

Но взлетали крылатые платья!
Хоть еще
под высокий аккорд
Сквозь мелодию стоном и плачем
Пробивалась великая скорбь.

Ах, как все
разучились смеяться!
Ох, мутна в половодье вода!
Ей еще предстоит
отстояться.
Отстоится еще. Не беда.

СНИЛСЯ СОН...

Снился сон. Какой — не помню.
Только помню — снился сон...
Утром было нелегко мне
Набирать дневной разгон.

И в груди слегка щемило,
Словно в чем-то виноват...
Это чем же пахнет мыло
С парфюмерией не в лад?

Так знаком мне этот запах,
С мягкой горечью, грибной.
Он полдня на мягких лапах
Так и шествовал за мной.

Сон не помнить — как ужасно!
Сколько смысла в вещих снах!..
Стой!

Так это ж пахнет маслом,
Маслом, сбитым в шестернях!

И, на миг лишь озадачен,
Догадался я вполне:
Этот запах не иначе,
Как из сна пришел ко мне.

Точно. Вспомнил: снилось детство,
Снилась давняя весна —
Детство,
что в жестоком действе
Напрочь срезала война.

И под той пилой на срезе
Выступил,
 как пот на лбу,
Сок,
 питающий железо.
Да, железо. И — судьбу.

* * *

Вспоминаю ту беду...
А беда была такая:
Вдруг сгорела мастерская
У поселка на виду.

Прахом все пошло, золой.
Крыши нет, остались стены.
И поземкой —
 год военный
По-над стылою землей.

Говорил без лишних слов
С нами начполитотдела:
Дескать, "надо
 дело делать"
И еще, что "фронт ведь ждет!"

Хоть и мал, беру в расчет:
Жди, пока накроют кровлю, —
Фронт за это время
 кровью
В ожиданье истечет...

Под рукой станок поет,
Он "поел" и сыто дышит...
Хорошо б, конечно, крышу,
А на бедность — доппаек.

По еде затосковал,
Зазевался — и в науку
"Приварил" к металлу руку —
Пальцы с кровью оторвал.

Мастер — ма-астер пожалуй!
Дал картошину: "Пожуй-ка!"
Греет белый свет
буржуйка,
Да не в силах отогреть.

Эх, беда и есть беда!..
Вот уж лампой вполнекала
Удивленно засияла
Вега —
 странная звезда.

Может, где-нибудь в окоп
К брату старшему заглянет?
Может быть, на нас
 вегяне
Смотрят в сильный телескоп?..

И смотрю я на звезду...
В пору выплакать обиды,
Да не вправе
 слабость выдать
У Вселенной на виду.

ПОДМОСТКИ

Мне первый токарный станок
Никак не хотел покоряться:
К зажимам
 в мои-то тринадцать
С трудом дотянуться я мог.

И видя, что мал я и квел,
Завхоз сколотил мне подмости —
И с тем недотепу-подростка
Во взрослость достойно возвел...

Война ненасытный обряд
Творила кроваво и слепо.
Ей — вроде насущного хлеба
Сработанный мною снаряд.

Я раньше других уставал,
Был слабым, за то — не взыщите.
Но Родине был я защитник,
Когда на подмости вставал.

Мне ночь после смены — провал,
Как будто вконец обескровлен...
Но был я
со временем вровень,
Когда на подмости вставал.

* * *

Он ранен был в трудных боях
За город Великие Луки,
А после в родные края
Вернулся уже одноруким.

И вот умывается он —
И машет,
и машет култышкой.
Не веря, что это не сон,
За ним наблюдает мальчишка.

Сказал он:
— Раненько ж ты встал!
Дела-то, поди, умотались...
— Ах, папа! Ты так воевал!..
Чего ж тебе орден не дали?..

И горестно стало ему
В сочувствии детской печали,
И вспомнилось поле в дыму...
— Ну, как же! Ну, как же!
Вручали...

И вспомнил о бывшей руке,
Которой так не доставало...
— Его я держал в кулаке,
А руку-то, вишь, оторвало...

И мальчик взглянул веселей,
И тут же сконфузился очень.
— Ты, папа, о нем не жалеяй.
— А я не жалею, сыночек...

* * *

Где-то залпы били
 прицельные...
А совсем от войны далеко
Похоронная шла
 процессия,
На погост унося рыбаков.

По отцу-океану сродники,
Шли в рыданиях вдов и невест.
И в четыре трубы без роздыха
Скорбно жаловался
 оркестр.

И в звучанье его безвыходном,
По-рыбацки упрям и суров,
Барабан проступал,
 как выхлопы
Уходящих в море судов...

Схоронили их честь по чести:
Пять гробов поставили вместе
И одну им на всех
 из жести
Укрепили звезду в головах.

Расходились.
 Уже смеркалось.
Рыбаки неловко сморкались,
Папироски мяли в зубах.

Все покуривали
 да покашливали,
Да еще, бередя тишину,
Мягко волны
 берег заглаживали,
Как заглаживают вину...

* * *

Ну, отстрелялись
и отголосили,
Закончилась проклятая война...
Но шла еще по матушке-России
Последняя
убойная волна.

И докатилась...
Я поныне помню,
Как выскочил из дома сам не свой,
Когда неожиданно, резко
мякоть полдня
Рассек истошный голос ножевой.

Соседка наша... Как же она билась
Безумно об ограду!
— Как мне жить!..

И рядом почтальонша суетилась,
К ней близко не решаясь подступить.

А день по-майски был такой погожий,
Кружилась в небе стая голубей.
И ввинчивался в небо крик:
— О, боже!
Зачем же так?! Убей меня, убей!..

...Вот кончится молчания минута,
Ракеты будут падать и кружить...
Но даже и победные салюты
Не в силах вдовьих криков заглушить.

* * *

Детство — старое кино,
И притом — немое.
Детство — словно за стеной,
За большой войною.

За войной-то за войной,
Но крутым обвалом
Проводок его живой
Все ж не перервало.

Вот сижу я как-то раз,
Занимаюсь делом,
А во мне — неровен час! —
Что-то вдруг запело.

Заседание... Бюро!
Тут же — мать честная! —
Из души сверлит нутро
Песенка смешная:

"Чемберлен большой чудак,
Радиолюбитель.
На ночь ставит под кровать
Громкоговоритель..."

Как звенели в тишине
На лесной опушке
Политически
 вполне
Зрелые частушки!

И очнулся... А вокруг

Что-то вроде прений.
Видно, слушать недосуг
Им о Чемберлене.

Но смеются надо мной:
Дальше что, не знаешь?
А сосед мне: — Знак дурной.
В детство, брат, впадаешь...

Я играю дурака
И на едкий выпад
Говорю: — А я пока
Из него не выпал!

Стоп, кино! Теперь — антракт,
А потом — дополню...
Было так или не так —
Точно я не помню.

* * *

На трюме баржи спал я.

Снилось мне

Не помню что, но хохотал до колик,
Как над увещеваньем — алкоголик.
И в море рухнул, хохоча во сне.

И — с головой (а снилось — к облакам!),
И вынырнул с улыбкой идиотской...
И благо парень со сноровкой флотской
Меня узрел — везет же дуракам!

Спасая, время он не расточал,
И так хватил багром по пояснице,
Что в миг прозрел я:

это же не снится!

И уж тогда "Спасите!" — закричал.

МЕХАНИК

Капитану I ранга
Я.П. Сурнину

Когда сбивают поршни споро
Густое масло день и ночь,
И он не прочь за разговором
Водицу в ступе потолочь.

На палубе, на жесткой банке,
Плечами дружескими сжат,
Травить механик станет байку
Для устрашения салажат.

Но — смолкнет он на полдороге,
Когда, веселью вопреки,
Вдруг
 дуновение тревоги
В глазах задует огоньки,

И враз — прорежутся морщины
И отрешенным станет взгляд.
“Механик слушает машину”, —
Кому-то тихо пояснят.

Механик слушает машину...
Как бы ступая по следам,
Тяжелых звуков мешанину
Он разбирает по складам:

В ее звучании привычном,
Как бы ни пряталась беда, —
Он различит
 косноязычье
Вдруг ослабевшего болта.

Машину слушает механик...
Так каждый миг настороже,
Он, словно и не отдыхает, —
Обеспокоенность в душе.

Еще потряхнет он анекдотцем,
Всю палубу развеселя!
Но дайте выслушать,
 как бьется
Как бьется сердце корабля.

ПЛАНОВИК

То было все — до вас,
Под тем крутым законом,
Когда рабочий класс
Еще был гегемоном.

Та давняя пора
Авралов и запарок!
В ходу — выговора
И перегибы палок.

Так штурмовщина нас
Трепала год от году,
А мы — рабочий класс,
Нам подавай работу!

Мы требовали жертв,
Суровые, как боги!..
Он приходил — как жердь,
Сухой и длинноногий.

И слушал нас молчком,
Покачиваясь горько.
И по цехам — волчком:
Простаивает сборка!

Просил, кричал, страшал:
Детали нам, детали!
И полы от плаща
По-демонски витали...

Ругай его, жена:
Опять вернется поздно.
А на земле — весна
И вербой пахнут звезды,

Усталость — наповал,
Размягший, как вареник...
Жестоким был накал
Поры послевоенной!

А кто, скажите, мог
В ту пору жить иначе?..
И кто-то пережег
Себя в страде горячей.

Мы вспомнили о том,
Печалась — не печалась,
Когда с плановиком
Уже навек прощались.

* * *

Будь славен, пасечник!
Вовек
Такого не вкушали блага!
Зело добротна твоя брага
И сам ты — добрый человек.

Ее так щедро до краев
Ты разливаешь по стаканам —
И мы все глубже постигаем
Хмельное таинство ее.

Не зря на человека впрок
Бессменно трудится природа,
Распределяя бочку меда
По малой капле на цветок.

Не зря по капельке к столу
Пчела собирает мед толково:
Ведь в браге мед — первооснова...
Так выпьем, что ли, за пчелу!

Ты с горьким хмелем мед смешал,
Как если б с радостью лишенья.
Каким от странного смешенья
Весельем полнится душа!

А что нам до медовых рек!
В них только радости, что — сладость.
А сладость-то — не наша слабость...
Спасибо, мудрый человек!

СВАРЩИК

Он покурил, воды напился
И вот, утершись рукавом,
С волшебной палочкой склонился
Над металлическим листом.

Уже не медля ни мгновенья,
Лицо забралом заслоня,
Магическим
 прикосновеньем
Он смело вызвал дух огня,

И вмиг, его послушны воле,
Как вспышке гения — века,
Сполохи синие вспороли
Железный сумрак потолка.

И там, средь балочных сплетений,
В их глубине глухонемой
Вороньей стайей бились тени,
Когда схлестнулись свет со тьмой.

А он, окутан дымным жаром,
Все так же голову склонял,
И два листа,
 как две державы,
Вокруг огня объединял.

И весь — во власти вдохновенья,
Он глух был ко всему извне.
И прометеевскую тенью
Сам отражался на стене.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Не толчок был, а так, сотрясенье,
Не основ, а посуды в столе,
Недостойное
 опасенья
И отметки на балльной шкале.

Но, однако, никак не ложится!
Всеми площадками лязгнувший быт
Вдруг заставил
 насторожиться,
А собаку — по-волчьи завывать.

Словно голосом робким, как ропот,
От глубинного темного дна
Просигналил инстинкт
 (или опыт?),
Что основа твоя непрочна.

Так недолго избу скособочить!
Я, тревожась, сидел у огня
До утра,
 когда радостный кочет
Наконец образумил меня.

* * *

Мне кажется нестойкой тишина.
И не пойму:
 а что меня тревожит?
Вон дед у прясла лошадей треножит —
Быть может, он мне объяснит сполна?

Дед говорит:
 — Стреножу лошадей
Да на ночь — в поле. Ночью травы волглы...
Да вот беда — пошаливают волки, —
Закончил он, копаясь в бороде.

Понятна мне твоя тревога, дед,
Хоть мне с того не легче и не проще...
Вон женщина в реке белье полощет —
Быть может, даст мне женщина ответ?

— Чудной вы, право! — вскинула глаза. —
Вот высушу да обряжу ребяток.
Белехонькие станут, что опята!..
Да видишь, собирается гроза...

И что выходит?
 То, что говорят:
Белье просохнет — обошел бы дождик,
Вернутся кони сытыми под вожжи,
Конечно, если волки не съедят.

Но женщина, в преддверии дождей,
Управиться со стиркой поспешает,
И дед, уйдя в ночное, помешает
Зарезать клятым волкам лошадей.

И я ушел к дороге, через лог,
И все не отпускала мысль простая:
Ведь древо тишины
 произрастает
Из наших с вами за нее тревог...

* * *

Как-то под осень
Траншею я рыл с мужиками
(Много уж лет
С той далекой поры разменял...)
Всем существом своим
слабым,
Руками, ногами
В грубую твердь я
Тупое железо вгонял.

Что мужику?
Он и голову в дело включает,
Да и по прочим параметрам
Мне не ровня.
Все же кайлил я,
Все более ожесточаясь,
Но и земля
Не жалела, конечно, меня.

Вдруг подошел бригадир,
Надо мной наклонился,
И головой покачал,
И, простудно сипя,
Странно сказал: "Молодец!
(Словно в чем усомнился)
Поберегись,
Чтоб на завтрахватило тебя..."

Вот о чем вспомнил
В дыму полуночного часа!
И удивился,
Тревожные мысли гоня.

Что-то все чаще мне
Думаться стало боязно:
Хватит на завтра —
 хотя бы на завтра! —
Меня?

Нету на это ответа
В задачнике жизни,
Это мне разум диктует:
Себя пожалей!..
Ночь прогорела под лампой.
С какой укоризной
Смотрит в глаза мне
Проснувшийся воробей!

* * *

Золото был паренек,
Стал паренек — муженек,
Как ни судите, а справный,
Только немножко забавный.

Взялся же — вот бестолков! —
Сеять редис и морковь.
Выросли ровным рядочком —
Сплошь! — голубые цветочки.

То-то ругалась жена!
То-то бранилась она!

Делал тележку себе,
Чтоб не таскать на себе,
Чтобы ходила нетряско...
Детская вышла коляска.

То-то ругалась жена!
То-то бранилась она!

С горя пошел он в продмаг
С жалобой: так, мол, и так.
К дому пришел сиротинка —
В правой руке четвертинка.

То-то ругалась жена!
То-то бранилась она!

Слышался крик до рассвета:
— Что ты мне скажешь на это?!
— Я от тебя ухожу,
Вот что на это скажу.

ПОЛЕ ОДИНОЧЕСТВА

Странно:
Стал ценить воспоминания.
Расставляю знаки препинания,
Словно прожил жизнь
 без запятых.
Ну, а жил совсем не созерцательно —
Вопросительно
 и восклицательно,
“Препинали” — в темноте под дых.

Жил, преодолевая передраги.
Шел по руслу наподобье драги —
Что намыл, то государству сдай!
И порою в этой крутоверти
Доставалось так нам, что, поверьте,
В самый раз — ложись и помирай.

И когда до сердца припекало,
Находился кто-нибудь бывалый
С присказкой:
 бывало и не то!
Кто, покойно отходя от дрожи,
Радовался: выдюжили все же!
Дескать, после — вспомнить будет что!

Вспомнить будет что...
 Не размышлял я.
Жизнь текла — лелеяла и мяла,
А теперь — совсем другой резон:
На ветру душа не отгорела.
Да и жизнь как будто подобрела,

Но вошла
в старательский сезон.

Сам себе — ответчик и указчик.
А приспееет в пресловутый ящик —
Об отсрочке некого просить.
Вот и все — иди, куда захочется!..
Но все чаще
в поле одиночества
Не по воле стало заносить.

Это поле тоже не повинное
В том, что по своей природе
минное,
Что под ряской — омута провал.
Утонуть на нем или взорваться,
Только-то и надо — растеряться,
И взмахнешь рукою, и пропал.

Вот когда тебя беда обложит,
Значит — жизнь настало
подытожить,
Счастлив, коль себя не обокрал.
Потому как в памяти — спасенье,
Где опорой — камни преткновенья,
На которых душу обдирал.

Вот и все, что я о жизни знаю.
Вспоминаю — словно отступаю
К линии провалов и побед.
И судьба мне голову не вскружит:
В черный день скажу:
бывало хуже!..
Светлому — сравненья в прошлом нет.

ОПЫТ

Нет, я не каюсь,
я не каюсь,
Что жизнь порой негладко шла,
Что шел, бывало, спотыкаясь,
Что плыл, бывало, без весла.

Я в мире жил — а был он зыбок,
Он сотрясался от пальбы...
Быть может,
горечью ошибок
Скрепляется замес судьбы?..

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПЕЧАЛИ

* * *

Вы правы. Я, конечно, старомоден
И числюсь по разряду "старожил".
Но я таким был времени угоден,
Не вороном, но ласточкой кружил.

У времени крутого под стрехою
Лепить пытался гнезда, но обвал
Их разрушал и ветер непокая
Из теплых гнезд на стужу выдувал.

Я, может, чем-то вам и не потрафил,
Так поищите что-то у других.
Я просто сочинитель эпитафий,
И плачу у надгробий дорогих.

КУСТ ОРЕШНИКА

Над материнской могилой
Подгнил уже крест.
Сизо глубок
В этот утренний час окоем...
Словно бы падает на сердце
С чистых небес:
Что ж опоздал ты
К последнему слову ее?
Все поглотила
Глухая, холодная мгла,
Только жестокою тяжесть
Все помнит плечо.
Мне говорили соседи:
"Легко отошла..."
Дескать, спросила:
"А он не приехал еще?.."
Кустик орешника
За ночь промок и продрог,
Вскрикнула ранняя птица —
Видать, невзначай...
Может, спросила бы:
"Что ж ты так поздно, сынок?.."
Может быть, просто
в усилии смертном:
"Прощай..."
Просто... Что знают
Об этих словах словари?!
Их разночтенье
Замешано в каждой судьбе.
Скажет "Прощай..." —
Как последним тебя одарит.
Скажет "Уйди!.." —
И не будет прощенья тебе!..

Что прошептали
В предсмертной истоме уста?..
Птичка хлопочет —
У каждого дело свое.
Капля росы прозвенела,
Сорвавшись с креста, —
Это ли отзвук
Последнего слова ее?..

УРОКИ БЕЛОПИСАНИЯ

Действо такое
Мне, может, простят, неумелому,
И не надеюсь
Услышать вослед "исполать":
Вместо того, как и принято,
Черным по белому
Стал приучаться
По черному белым писать.

Это же так интересно!
Попробуйте сами.
Словно бы тайна бежит,
Оставляя следы.
Или по черному снегу
Уносятся сани,
Или — замедленный росчерк
Падучей звезды.

Может, условятся люди
Под ропот негромкий
(Хоть сумасшедшим за это меня назови!):
Черным по белому будут писать
Похоронки,
Белым на черном —
Заклятия вечной любви?

Правильно,
 праведник,
Жил ты, а выпало — начерно.
Набело выправить —
Легче сойти под откос!
И в утешение,

Все, что убито не начатым,
Именно белым
пропишется
В черни волос.

Ты на прощанье
Огладишь любимые лица
Беленьким лучиком
Из-под чернеющих вежд.
Ты им оставишь на память
На черной странице
Белые нити
Застиранных бытом надежд...

СЛАБОСТЬ

Я думаю, что зимы так жестоки!
И намертво застыли водостоки.
Вот этот был —
 какой прекрасный тенор,
Лишь иногда срывался он на свист.
А этот —
заливался, словно кенар,
А этот вот до грома был басист.

А что как потеряют голоса?

Метель метет,
 как бы хвостом лиса.
Я думаю, зачем же я болею?
За женского полетом каблучка
Слежу почти бесстрастно.
 И жалею,
Жалею дождевого червячка.
Так размышляю, не спеша идя.

Так хочется дождя!..

* * *

Как скорбный дом,
 опустошенный вдруг, —
Так океан пронзительно спокоен.
И в сердце — неосознанный испуг,
Как будто чем-то непонятым болен.

Большой корабль стремится куда-то бег,
Его пространство медленно вбирает —
Как будто
 очень близкий человек
Мучительно и долго умирает.

И мир от боли тих и напряжен...
Но стоит ли со смертью примиряться?
Он — жив!
 Его скрывает горизонт.
И надо выше самому подняться...

* * *

Ни словечка в этой песне —
И откуда вдруг взялась?
Может, песня
 с поднебесья
Прямо в душу пролилась?

Вот живешь, здоров и весел,
Средь забот, друзей и книг
Под сурдинку
 шлягер-песен,
Но в какой-то смутный миг

Вдруг услышишь с острой болью,
Задыхаясь, трепеща:
То ли ветер
 в чистом поле?
То ли дочка у плеча?

То ли травы,
 то ли речка...
Или так, от всех скорбей,
Пела мать —
 да ни словечка
Не запомнил — хоть убей...

Оно влетело в комнатку мою,
И я его перехватил в полете,
А после черной тушью на клею
На белый лист в пустующем блокноте

А может, приземлилось-то шутя,
Из любопытства, в поисках познания?..
И, неземное, сникло,
 как дитя,
От моего тяжелого дыхания.

МОЛЧАНЬЕ

Люблю молчанье с некоторых пор.
К молчанию влечет неодолимо.
Оно ко мне нисходит —
 словно с гор
Прохлада в утомленную долину.

А тоже ведь — святая простота! —
Спешил излиться и врагу, и другу,
Так, что в душе зияла пустота,
Как в кружке, что прошла уже по кругу.

Но — наконец-то! — стал я замечать:
В душе скопилось под глухим покровом
То самое,
 о чем могу молчать.
Что, может, и невыразимо словом...

Из нанайской поэзии

Андрей ПАССАР

НЕМАЯ ПТИЦА

Рассветные птицы
Тайгу разбудили мажорно,
Несмело вступая,
Сливались их песенки в хор —
Как будто на ниточках-трелях,
Послушные дирижеру,
Солнце дружно выкатывали
На остроконечия гор.

И все напряженной трудились
Над солнышком спящим,
И — стронулось солнце,
С трудом отходя ото сна,
И выкатилось —
И мгновенно на ноте щемящей,
Словно лопнули струны —
И обрушилась тишина.

И тут над собой я увидел
На дереве птаху:
Закинув головку,
И стрелочка клюва — вразлет,
Она трепетала,
Как будто смелея от страха...

Как странно, подумал,
 ни звука,
А птица — поет!

И я догадался:
Так это же птица — немая!
Как глухонемые с рожденья
У нас, у людей...
Птица немая,
Себе, а не миру, внимая,
Какую ты песню
 выносила
За немотой своей?!

И я ведь, бывает,
Чтоб быть перед песнею честным,
Отринусь от мира
И стану немым, как ты.
Поэт, я ведь знаю,
Как страшно живет с песней —
С выстраданной
 и страдающей
За стеной немоты.

* * *

В. Русскову

От зауми,
От споров об искусстве
В кругу друзей
За рюмкою вина —
Уйти домой,
Где парится капуста,
Где в хлопотах изводится жена.

Ей невдомек,
Чему ты рад, услышав,
По мере приближения к земле,
О том, что снова
Прохудилась крыша.
О том, что деньги
Кончились в семье...

* * *

Нынче жалобы слушал всю ночь:
Нелады, говорил, хоть из дома...
Брат мой, беды твои мне знакомы,
Да не в силах тебе я помочь.

Ну, а раньше ведь жил не тужил
В прочно благоустроенном мире.
Вышло — как на замедленной мине.
Это кто же ее подложил?

Был везуч он и жил налегке,
И она любовалась им робко.
Между тем же,
 за стопкой и штопкой,
Прогорали дрова в очаге...

Утешал я: — Не смей горевать!
Жизнь поднимется, как на опаре...
Утешать —
 как в чужом самоваре
Сапогом угольки раздувать...

* * *

Не говори о возрасте, не надо,
Ни зимнею порою и ни вешней.
Вот отщипни от грозди винограда
И спелой виноградинкой утешься.

А каждый год — как бы ломоть с ковриги,
А вовсе не пустышная полова.
И спрячет век его
 в свои вериги,
Чтоб накормить им страждущее Слово.

В словарь введет, в гербарии засушит —
Знать не дано.

 Но Слово прозвучало!
Утешься тем и звон его послушай
В последний раз. И начинай сначала...

П. Халову

Господи!

Сколько же мы говорим!..

Наговоримся —

и перегорим.

И опадет на округу в тиши

Пепел души...

* * *

Березник желт,
 а клен калено красен,
Дубы закатным тронуты огнем...
Осенний лес печален и прекрасен
В контрастном разноцветии своем.

Листва горит, еще не облетая.
И, словно увядание презрев,
Любое деревцо
 вдруг обретает
Свое лицо в содружестве дерев.

* * *

Памяти Г. Румянцева

Спасибо вам всем, кто меня
Встречали, стелили постели,
От ветра судьбы заслоня,
Делили по-свойски веселье.

Сейчас бы, накинув пальто, —
Туда, где меня привечали...
Простите, родные, за то,
Что вас приглашаю к печали.

Казалось, что дружеский круг
Покрепче полярного круга!..
Опять выпадают из рук
Цветы над потерянным другом.

Мне б снова увидеть вас всех,
Припомнить походку и лица!
Но после веселых утех
Печалью нельзя похмелиться.

КУЗНЕЧИК

А. Плитченко

Речка вдаль катила воду,
Немотой поражена.
С облаков на всю природу
Нисходила тишина.

Ни дыханья, ни шуршанья,
И, сознательно тихи,
Не ворочали ушами
Над рекою лопухи.

Лишь по-прежнему беспечен,
Оттого, что слишком мал,
Непонятливый кузнецик
Что-то тонкое ковал.

И над чем он так старался?
Что усердно так творил?..
Я в тиши к нему подкрался
И ладошкой накрыл...

Как я мог решиться дико
На разбой средь бела дня?!
Если просто было тихо —
Глухо стало вокруг меня.

Словно б тот порядок вечен,
Чтоб и в полной тишине
Непрерывно
жил кузнецик,
Будто солнце в вышине.

* * *

Я саженец посадил в почву,
Присыпав, полил корешки.
Он в день прибавлял по листочку
И вправду ведь, с легкой руки.

А тут вот смотрю — занедужил,
А может быть, кто притоптал,
И, словно обвеянный стужей,
Он каждым листочком роптал.

И вновь я полил под ним почву,
К подпорке его привязал.
Как будто бы малую дочку
От тяжелой болезни спасал.

* * *

Нет, не знаком я с этим стариком.
Едва рассвет, а он у водной глади
Уже следит за чутким поплавком,
Казалось, вовсе не улова ради.

Копается он в банке жестяной,
Как в памяти, наживку выбирая,
Он как-то поздоровался со мной,
Без любопытства, руки вытирая.

— А как с уловом? — я спросил его.
Не удостоил он меня ответом.
Он, словно отключен был от всего.
С удилищем. У мутной речки Леты...

* * *

В поэзию пошел
Новатор густо.
Что ни строка —
Все ново, все — впервой.
Но почему-то, седовласый,
Грустно
Покачивает мастер головой.

Он шел всю жизнь
Крестьянином за плугом,
За ним еще парится борозда.
Они ж, играя, мчатся
Росным лугом:
Роса спадет
И в травах — ни следа...

* * *

*Вот книга — банальная драма,
Забытому веку под стать.
А все-таки тянет упрямо
Ее перед сном полистать.*

*Набор канонических правил:
Злодеи, любовь, талисман...
А словно бы что-то оставил
Средь строчек чужого письма...*

ЭТЮД С ЛИМОНОМ

В безветрие на землю падал снег,
На землю, где лимоны продавали...
Недвижный на ознобном тротуаре,
Чему-то улыбался человек.

Он вдаль смотрел, едва ли видя что,
Улыбка, как проталинка.

Морщинки

У глаз лучились. Таяли снежинки,
И сыпались за воротник пальто.

А он стоял. В руке держал лимон.
И люди обходили с двух сторон
Его, такого — видно понимали,
Как должное все это принимали...
А все-таки,
с чего бы это он?

Из якутской поэзии

Семен ДАНИЛОВ

АЛГЫС*

Однажды в год
 ко мне
Тот сон нисходит свыше:
В музейной тишине
Алгыса плач я слышу.

Алгыс...
 Зачем твердить
С усмешкой: "архаичен..."
Умел добро будить
Он в душах и величье.

Любовь и песня с ним
В родстве от века тесном.
Словам его живым,
Как песне, в сердце честном
Дано возрастать.
 просты,
Но, как любовь, могучи
В час горькой маеты
Они разгонят тучи.

Как солнце даль полей,
Взойдя, просветит сразу,
Так мудростью своей
Слова алгыса — разум.

* — Благопожелание
и соответствующий ритуальный обряд.

Моисей ЕФИМОВ

ВОСХОД СОЛНЦА

Памяти Семена Данилова

Нынче в рощу успел я к восходу...
Лишь роса засверкала в лучах —
Закружились цветы в хороводе
На поляне лесной у ручья.

Стая бабочек “Танец узора”
Начинала, свершая обряд,
В хвое лиственной белка-провора
Пролетела, как легкий снаряд.

И поблескивал влажный брусничник
С тропкой заячьей наискосок,
Роща милая пением птичьим
Восхваляла за щедрость восток.

Средь веселого гама и шума
На восходе в преддверии дня,
Словно коршун,
 печальная дума
Так жестоко настигла меня.

Вот и вспомнилось прошлое лето.
Был покоен и чист оком.
В ожидании солнца
 с рассвета
Здесь бродили мы с другом вдвоем.

Было небо над нами высоким,
Разгоралась заря не спеша...
А теперь
журавлем одиноким
По утрате стенает душа.

Думать больно: так жизнь человека
Коротка — мы простим ее, друг! —
Что достанет до кромочки века,
До межи ее
брошенный сук.

Вот и я в свое время причалю...
Только надо мне знать наперед:
Есть кому меня вспомнить,
встречая
Неизбывного солнца восход?

Должен знать, что, дойдя до предела
Трудной жизни,
идушим вослед
Я оставил и память, и дело,
Чтобы жизнь уходила в рассвет.

* * *

Так всегда и бывает,
но все же...
Скоро листья в лесу опадут.
Неспроста ведь гусиною кожей
Этим утром подернулся пруд.

Научи меня, лес опаленный:
Почему же, склоняя главу,
Не завидует
вечнозеленым
Березняк, растерявший листву?

Может быть, отвергающий зависть,
Он хотел бы уверить теперь
В том,
что право на светлую завязь
Невозможно без горьких потерь?

Он потери в апреле оплатит
Сладким соком на белой щеке...
Вон бежит по-над берегом мальчик,
Тонкий прутик зажав в кулачке.

И трепещет в слепом озаренье
Желтый листик на встречном ветру...
Вопросительный знак
в оперенье —
Серый гусь на озябшем пруду.

Из цикла "Непогода"

* * *

Неслышно желтым облетает лес,
Похмельно веки облаков набухли
И тяжело смыкаются над бухтой...
Лишь полоса восхода — как порез.

Как этот день аукнется в судьбе?
Не жалуюсь, такое время года...
«Какая между нами непогода!» —
С невольной болью я шепчу себе.

А непогода черно хмурит бровь,
Дожди кривые иссекли пространство...
Как просто было нам с тобой расстаться,
Как нелегко соединиться вновь!

Простор бушует гулом обуян...
Сквозь кутерьму дождя и листопада
Всей силой чувств к тебе пробиться надо —
О, сохрани мой голос, океан!

"Прости!" — шепчу. И чудится в ответ
Твое — "Прости..." — над сопками и падами.
Нелепая такая

телепатия...

А дождь идет, и теплохода — нет.

* * *

Отвергну прощенье и жалость,
К чему нам все это "кино".
Верни только малую малость,
Верни мне мгновенье одно.

Чтоб мог я опять среди ночи,
Проснувшись в холодном поту,
Как будто бы всех одиночеств
Тяжелую сдвинув плиту, —

В последнем усилии воли
Нащупать, дыша горячо,
Твое, дорогое до боли,
С тесемочкой узкой плечо...

* * *

Вот завершается круговорот,
Эхо аукнет гусиному клину...
Отплодоносил
 мой сад-огород,
Вырезать надо сухую малину.

Только природе не введома ложь.
Гуси печалятся, вдаль улета...
Отплодоносила —
 значит, под нож...
Ишь как окрепла лоза молодая.

Любо весною глядеть будет мне,
Как она к небу высокому
 прянет!..
Нынче ж лозу пригибаю к земле,
Чтобы мороз не обжег ее ранний.

Нынче пригну,
 а потом, к холодам,
Из междурядья землей прикопаю:
Перед морозом в обиду не дам —
Пусть сохранится
 лоза молодая!

Ворохи старого лозняка
Вынесу в устье дорожной развилки...
Только б скорей заматали снега
Холмики,
 грустные, словно могилки...

ПРЕДЗИМЬЕ

Так долго и нудно
Всю осень дожди полоскали,
Что верится трудно
Нежданно открывшейся дали.

Как воды покойны,
Что даже не чувствуешь мощи.
Дорогой окольной
Прошел катерок-перевозчик.

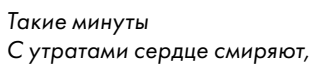
Из хаоса смуты
Предзимние выплыли льдины...
В такие минуты
Мы, видно, с природой едины.

А мир необыден,
В нем что-то знакомо и ново.
И кажется — выйдет
На пляж опустелый корова.

И воду со свистом
Потянет под мерные вздохи...
Опавшие листья —
Следы отступившей эпохи.

Такое затишье,
Глубокое до онеменья, —
Как будто стоишь ты,
На стыке стоишь поколений.

И люди все смуты
Часы меж собою сверяют...

Когда невозможно
Помыслить о злобе и мести.
Но можно
 неложно
Подумать о долге и чести...

ЭТОЙ ЗИМОЙ

Что происходит со мной
Этой стылой зимой?
(Даже деревья,
под ветром стена, не гнутся!)
Словно бы мир от меня
За стеклянной стеной —
Все, что люблю
И к чему так хочу
Прикоснуться.

Что происходит?
Не сам ли тому я виной?
Все выскальзает,
И, падая, блюдца не бьются.
Мимо несутся
И этот вот парень хмельной,
Женщина эта,
Лукаво успев улыбнуться.

Друг мой, не зная,
Что я уже — глухонемой,
Что-то кричит мне,
А я его вовсе не слышу...
Что там увиделось в дали,
Такой неземной?
Что там прояснилось
Неба холодного выше?

Все, что люблю,
Не избыл в себе,
Нет, не забыл —
Женщину, небо, детей,
перелески,

Плотины...
Может, за все,
Что всей жизнью,
Всей кровью любил,
Слишком уж дорого
Сердце мое заплатило?..

Что происходит
За лесом,
За дымною мглой
Дня заводского
И зова, такого простого?
Кто там, жестокий,
Алмазною режет иглой
Это стекло голубое
Над крышею крова?..

Уж не за тем ли,
Чтоб в этот пролом с высоты
Встречно спланировал
Странно улыбчивый вестник,
Чтоб увести за собою
Туда, где цветы,
Даже цветы дорогие —
Из кровельной жести?

Но ведь недаром я жил,
По-солдатски в строю,
Чтоб не достало —
Когда уже не шелохнуться —
Сил,
Чтоб рвануться ко всем вам,
Кого я люблю,
Чтобы руками, губами,
Щекой прикоснуться!

БОЛЬШАЯ ВОДА

(поэма)

— На "Буйном" пойдете...
Ты слышишь меня, старшина?!
А тот, отвернувшись,
Угрюмо сидел у окна.
Я был представитель,
Притом — судового надзора.
Начальник участка сплавного
Краснел от позора.
Я был здесь по службе,
Мне надо успеть к теплоходу.
Услышал:
— Куда я
В такую большую-то в воду?
А Васька, ты знаешь,
Какой он сейчас моторист...
Начальник нахмурился:
— Шел бы ты лучше на пирс!..

Шел катер, болтаясь,
В амурском
разгульном пространстве
Пустым поплавателем,
Оторванным штормом от снасти.
Я в рубке сидел,
К переборке прижавшись спиной,
И мучился молча
Неясной, но явной виною.
Был хмур старшина —
И ведь надо же так невзлюбить!
Я бросил попытки
Глухое молчанье пробить.

Все странно — бог видит,
Я не набивался в друзья!
Домой же идет,
А туда почему-то нельзя...
Вот так же молчал он,
Когда мы шагали к реке,
И я бестолково,
Не к месту, шутил налегке.
Он спрыгнул на палубу,
Крикнул над люком машинным:
— Васек, заводи!..
И приправил все матом аршинным.
И вдруг повернувшись,
Спросил меня:
— Бабу имеешь?..
И сам же ответил:
— Что-что, а уж это успеешь...

Шел катер — и брызги
Долбили стекло лобовое,
Сквозь плащ переборка
Тепло отдавала живое.
И можно вздремнуть бы
Под музыку выхлопов мерных...
Но дрожь переборки
Вонзалась —
и била по нервам!
И чувствовал я,
Что в машине там
что-то нечисто.
И как он там, Васька,
Как звал старшина моториста?
Он, может быть, пьяный?
А может, и просто больной?..

И словно бы всхлипы,
Там помпы засос затяжной.
И надо же влипнуть!..
А вот и машина заглохла.
— Ну вот, началось, —
Процедил старшина,
и со вздохом
Он вышел из рубки,
И ясно в пустой тишине
Взвинтилось до визга:
— Не трогай!..
До лампочки мне!..
Но двигатель рыкнул,
Как выругался вздох,
И — хохот безумный:
— А ты ей заказывай гроб!..
Вошел старшина,
Леденяще опасный,
как омут:
— Нам что? Мы домой.
Да нельзя туда Ваське такому! —
Прижег папиросу,
Сведя переносицу хмуро.
— Двоих нарожала ему,
А ведь спуталась, дура...
И вновь замолчал он.
И снова споткнулся движок!
И вновь старшина,
Матерясь, папироску разжег.
И стало так тихо,
Что слышался говор реки,
А катер сносило
В затопленные тальники,
И гibly валяло,

А небо завесило мглой...
И снова тревога
Зашла под лопатку иглой!
— С собой бы не сделал чего, —
Размышлял старшина.
— Пойду погляжу я, —
Во мне всколыхнулась вина.
Я вышел из рубки,
Надвинув поглубже фуражку.
А ветер шальной
Разгонял по Амуру барашки.
До люка за шаг
Я услышал вдруг:
— Не подходи!..
Вздохнул облегченно:
Живой, только пьяный, поди...
И — грохнуло вдруг!
И горячий
 стремительный рой
Пронесся впритирку
в простор
Над моей головой.
И — пороха запах.
И время враз
 остановилось.
А в темени люка
Рычало, корежилось,
 билося
Нелепое что-то.
Но тут же железные руки
Рванули меня:
— И чего же надумал он, сука!..
И сразу пробило
Ознобом, до немочи страшным.

А в волнах кружилась
И вниз отплывала фуражка,
И все не тонула,
Эмблемкой на вскидке светясь.
И голос донесся:
— Сичас заведу я, сичас...

Мы шли еще час
В загустевшей до сумрака мгле,
И глыбой беззвучной
Стоял старшина на руле.
И лишь на причале,
Приблизясь, чтоб руку пожать,
Сказал он прозрачно:
— А Васька хотел попужать...
И взгляд притушил он:
— Со всеми бывает, но реже...
— Конечно, — сказал я,
И двинулся к Дому приезжих...
А ночью мне снились
Какие-то дикие сны:
И снова был катер,
И крупно — лицо старшины.
Он пальцем грозил:
— Все равно тебя Васька убьет!..
Ружье отберете —
Он купит себе миномет!
И я удивлялся:
— Зачем миномет? Пулемет!
— Ты хитрый! — шипел он. —
Тебя пулемет не возьмет...

А утром ушел я из Дома
В десятом часу.

Все было покойно,
Как это бывает в лесу.
И пусто в душе,
Лишь обрывки нелепого сна...
У трапа услышал:
— Постой-ка!..
Узнал — старшина!
И вздрогнул ознобно —
И враз предо мной дебаркадер
Качнулся грозяще,
вчерашне,
Как будто был катер.
— Ну что? Уезжаете?
Ясно... А мы вот проститься...
И перед глазами
Прояснились берег и лица.
Лицо старшины,
На котором улыбка —
как роскошь...
А этот,
 в рубашке голубенькой,
Словно сиротской —
Кто это?
Лицом, словно небо вчерашнее, мглист...
И тут осенило:
Так это ж и есть моторист!
Он морщился весь,
Он не знал, куда руки девать.
А я же,
Я взгляда не мог от него оторвать!
И мне не подумалось:
Вот он, кто мог и убить!
А странно:
 "Неужто вот этот
Так может любить?!"

И голос мальчишеский
Словно бы с неба мне был:
— А папка сегодня
Ружье о лесину разбил!
И сразу очнувшись,
Увидел я рядом мальчонку —
Как будто наткнулся
Средь хлама весны на скворчонка.
Он замер восторженно,
Голубоглаз, белобрыс.
Таким вот, наверно,
В мальчишках и был моторист.
И вправду птенец
На изменчивом фоне цветастом...
Я голову поднял —
И в душу пахнуло ненастьем!
Так вот оно,
Васькино счастье —
И горе, и жалость!..
На правой щеке ее
Родинка мелко дрожала,
И вспыхнув пунцово,
Как будто я взглядом обжег,
Сказала дрожаще:
— Все будет теперь хорошо...
И снял старшина,
Словно вспомнил, фуражку свою.
— Взамен, — протянул мне, —
Чтоб помнил, на память дарю!
— Да что вы! — сказал я. —
Она для меня велика.
И лучик взлетел
От серебряного ободка...
Запомнилось, как мы
Неловко и стыдно прощались.

Мне громом последним
 Ответила глубь небосвода
 Над прутиком тонким
 Антенны и громоотвода.
 Вода под форштевнем
 Кипела, от пены бела...

Фуражка
простреленная
Где-то в низовья плыла.

ЧАЙКИ

У кромки морского залива
Вдруг вспомнил былую вину...
Стремительно

и крикливо

Бросается чайка в волну.

Падет — и, сверкнув белогрудо,
Уносится ввысь по лучу...
Хотите попробовать чуда
На ощупь? Я вас научу.

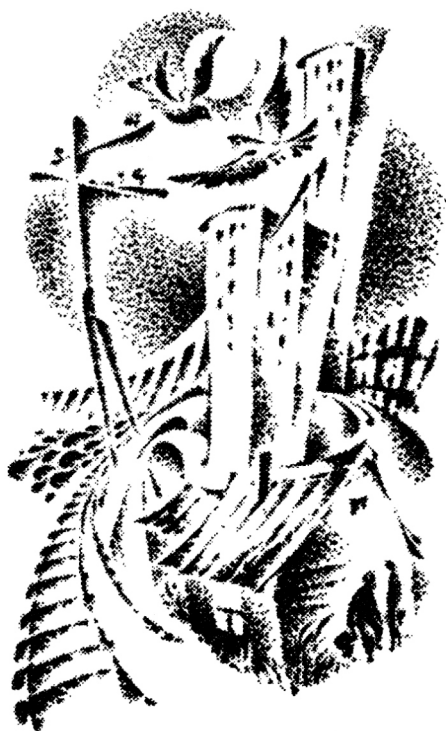
Все будет надежно и точно,
Поскольку тот способ простой
Был кем-то рассчитан на то, что
У «чуда» желудок пустой.

Берется сырая рыбешка,
Вбивается палка с крючком...
А дальше? А дальше немножко
Терпенья при деле таком.

И, зная, что голод — не тетка,
Не дергайте нить сгоряча...
Я помню до сухости в глотке,
Как бились те чайки, крича.

И ныне стою вот в печали,
Хоть взглядом бы их приласкать...
Мы все-таки их отпускали.
Вы можете не отпускать.

ОДЕЖКА НА ВЫРОСТ

Из цикла "Звездный створ"

I. ПЕРЕКРЫТИЕ

(репортаж, фрагменты)
13 октября 1972 года, Зея.

Было все, как по заказу:
Даль, насквозь открыта глазу,
Голубое с молоком.
Свет неяркий и рассеян,
И потягивало с Зеи
Тем, предзимним холодком.

И с утра вдоль Зеи, к створу,
Шумно, празднично и споро
Тек и тек поток живой:
Прихватив сынов и дочек,
Шел монтажник и бетонщик —
Гордый люд мастеровой.

Парень вот — и тих, и вежлив,
Но типично неприезжий
По особой стати той,
Как идет вразвалку, сочно —
Словно пробует на прочность
Эту землю под ногой!

Разбираться начинаю:
Ведь земля-то — насыпная!
Он — уже который год! —
Намывал ее, родную,
На ветру на стылом дню
И ночуя, коль прижмет.

И, смиряя зейский норов,
Для себя намыл опору
Он с запасом лет на сто!
Был бы ты умен и кряжист —
Жизнь еще навалит тяжесть —
Упереться бы во что!

Со штабной высокой башни
Открывался день вчерашний:
Котлован, быки, мосток...
С двух сторон застыли плесы,
И в проране безголоса
Бился бешеный поток.

Натянулось время тонко,
И капризного ребенка
Уговаривала мать:
— Ну, не плачь!
Ведь ты мужчина!
Подожди, сейчас машины
Будут камушки кидать...

“Приступить!” — из штаба тут же —
Угодить мальчонке нужно? —
Хрипло брошен был приказ.
Весь в плакатах, тих и кроток,
Взвыл на полных оборотах
У прорана первый КрАЗ!

С полной выкладкою, ладно
Развернулся чуть парадно
И пошел на Зею задним
(Зея, ты не обессудь!)
И на самом на откосе
Поднатужился — и сбросил
Глыбу в гибельную муть.

Брызги веером взметнуло,
Словно глыбой той замкнуло
В желтой глуби провода.
И откликнулся — под током! —
Берег весь единым вздохом,
И в разгар пошла страда.

А толпа поднапирала —
Под колеса самосвалов! —
Любопытно — хоть убей!
И выкрикивал над нами
Хриплым голосом динамик:
“Уберите же людей!”

А в сторонке, на припеке,
Под стернею рыжей щеки,
Под шапчонкой волос бел —
Дед стоял, напружив выю,
И на все дела мирские
Немигаючи глядел.

Он о чем, сутулый, тощий,
Потрясенный этой мощью,
Думал, зейский старожил?
Разобраться ли пытался?
Или с чем-то расставался,
Чем так трудно дорожил?..

Продолжалось перекрытие:
В ритме строгом, чтоб — без прыти,
Неуклонно дело шло
Хоть поток еще был грозен
И заносчивый бульдозер
Отломил свое крыло...

Как вас бьют и учат реки,
Люди, люди — человеки!
Чтобы всё — наверняка.
Словно б так и было сроду:
Вы — энергию народу,
Вам энергию — река.

Вон начальник стройки Шохин
Средь порожистой эпохи —
Как река на быстрине!
Весел взгляд, а шаг широкий,
Ритм “отмахивает” стройке
(А быть может, и стране?).

Возле деда-старожила
Он прикрикнул без нажима:
— Ну-ка, дед, поберегись!..
Тот угрюм, но глянул шало:
Сдал всего-то на полшага
(А быть может, и на жизнь?..).

Здесь, на матушке на Зее,
Он охотился и сеял

Он — хозяин. Мы — в гостях.
Кожей, сорванной с затылка,
Сердцем выстуженным пылко,
Болью в ломаных костях —
Помнит он ее, паскуду,
Ей, владычице, подсудный,
Ну, а жизни-то — в обрез
Нынче ж, вот тебе — плотина!
Значит, крест на все стремнины
(И на молодости — крест?..)

Но пока мы — суть да дело,
Рать машинная гремела
В брызгах, копоты, в пыли,
Хоть не так уже и браво
Бригадиры — левый с правым —
Эту рать вперед вели.

Но уже в людском заторе
Теле-,
 фоторепортеры
С помощью локтей и плеч
Пробивались ближе, к кромке,
Чтобы, выбрав «точку съемки»,
Все, как есть, запечатлеть.

Выбрать “точку” — вот загвоздка!
Чтобы правда вся, без лоска,
А за ней — зари полоска...
Перспектива — как рентген!
Значит, око объектива
Обойдет тебя счастливо,
Зейский дед-абориген.

А у стройки свой экзамен —
И уже “последний” камень,
Как резерв, вводили в бой:
В тишине, столь непривычной,
С ним отъехал к перемышке
Самосвал передовой.

Исторически торжествен,
Бригадир широким жестом
Камню место указал.
И скользнул он вниз покато,
Сверху — плюх!
 И дело свято.
Чтоб потом — на пьедестал!

«Почетные строители Зейской ГЭС»:
автор и журналист Б. Резник

II. АВТОГРАФ НА КАМНЕ

Оркестр замолк, угасли речи
Над гладью укрощенных вод.
Уже иному дню навстречу
От Зеи двинулся народ.

Уже спеша начальник стройки
Гостей высоких провожал.
Меня ж — как будто голос строгий,
У котлована задержал.

Как будто, ото всех в сторонке,
Хотелось, словно на меже,
Испить раздумности негромкой

Моей взволнованной душе...

Внизу дорогой обновленной,
Уже отныне на века,
Поверх механики бетонной
Катила тихая река.

И мысль пришла, как бы нестати,
Без связи видимой прямой:
Не так ли время ходко катит
Поверх Истории самой?

И в то же самое мгновенье
Свершила память свой вираж,
Напомнив тот,
 о затопленье
В газете местной репортаж.

Писалось в нем, что перед тем как
Заполонить воде нутро,
Туда веселый кто-то "в темпе"
Доставил с краскою ведро.

Хотелось каждому — ведь строил! —
Там расписаться от души,
Хоть было ясно:
 Зея скроет,
И тут — пиши иль не пиши...

И словно бы туман растаял —
И вот он, близок и знаком,
Солдат выводит на рейхстаге
Свою фамилию штыком —

Пропахший порохом и каска
На нем в пометах пулевых...

Потом затрут особой краской
Его автограф от живых.

Но тот солдат, как есть — обычен,
Его в трудах превыше сил
Такою славой возвеличил,
Такою кровью оплатил,
Что никакой гранит
 не скроет,
Не смоем никакой водой!
Затри — а он проступит кровью.
Разбей — а он взойдет звездой!

Так думал я.
 А солнце ровно
Всходило в полдень. И, вольна,
Поблескивала Зея — словно
Светились надписи со дна...

VIII. СТВОР ПРОЩАНИЯ

Нас вверх по Зее уносил проворно
На крылышках подводных теплоход,
И странно было видеть, как упорно
Плотина погружалась в толщу вод.

И было как-то весело в салоне,
По-родственному, как рука в руке,
Как будто не в салоне, а на лоне
Природы, на роскошном берегу.

Лети себе легко и безрассудно!
А там, за поворотом, впереди

Такая даль угадывалась смутно,
Что холодок покалывал в груди.

Но вдруг из местных мужичок дотошный,
Что погрузился чуть навеселе,
Вздыхнул, скорбя:
— Утопла Филимошка,
А я, брат, свадьбу справил в том селе...

И врезалась "Ракета" в дикой спешке
В топляк плывущий бешеным крылом,
И лиственниц вершинки,
 словно вешки,
Заволновались рядом, за бортом.

И стало тихо. И печаль сквозная
Текла с небес на рукотворный плес
А тут над ухом:
 — Красота какая!.. —
Вдруг кто-то восхищенно произнес,

Я вздрогнул и откликнулся: — Не жалко?
И на воде его качнулась тень.
— А мне-то что?
 Ни холодно, ни жарко...
И вправду был такой покойный день.

В такие дни незнобкие под осень
Покойников способно хоронить...
Не оживить, когда под корень скосит,
Чего нельзя, того не сохранить.

Понятно все, но я не из бетона,
Чтоб на дороге памяти лежать
Запрудою.
 Я не могу без стона

Родимых в путь последний провожать!..

Как долго же листвянка, так щемяще
Махала вслед нам, виделась пока. —
Как матери, навеки уходящей,
В напутствие
 прощальная рука...

XII. КОНЦЕРТ

Гудел агрегат под нагрузкой
С другими в стране в камертон.
А в клубе
по случаю "пуска"
Веселье входило вразгон.

А в клубе сошлись, разодеты,
Работники всех отраслей.
И жены.
А также и дети —
А как обойтись без детей?!

Ах, праздник — для сердца подарок,
Светло окрыляющий нас!
В волненье электрогитара
Срывалась все
 в электротранс.

А то барабан вдруг стаккато
Взрывался, забывшись в игре,
Как будто вся мощь агрегата
В его клекотала нутре.

Но вышла на сцену певица —
А голос пронзительно тих —
Соседке моей,
 крановщице,
Поведать о бедах своих.

А следом и мастер пародий,
И тут же за ним — плясуны...
Хохочет бетонщик напротив,
Хохочут его пацаны.

Давай, мол! Ладоней избитых
В награду не жалко ничуть!
Не жалко,
 коль в сердце избыток
Внезапно открывшихся чувств.

Пред номером оригинальным
Все замерли, восхищены...
То хохот накатит
 повальный,
То гулко — накат тишины.

Искусство сквозь чащу коллизий
Житейских
 способно промять
Тропинку, чтоб запросто сблизить
И в возрасте нас уравниять,

Хотя и, лишённые позы
На этом параде утех
Иные — смеются сквозь слезы,
Другие же — плачут сквозь смех.

* * *

Освободиться бы от укоризны...
Бабочкой
на рукаве Тукурингры*
Спит городок.
Бредит плотина порывом высоким —
Бредит она
электрическим током
В створе дорог.

Ток — это свет, это жизнь, дорогая!
Но проступает плотина другая:
Мы, как рабы
Мелочных дрызг,
так нелепо упрямо
“Строим” ее из житейского хлама
В створе судьбы.

Ниже плотины — река обмелела,
Ниже плотины — любовь отболела...
И умерла?
Выше плотины — морская безбрежность,
Выше плотины — скорбящая нежность...
Не помогла.

Кто нам подскажет, какое решение?
Жить, уповаючи на воскрешенье,
Или ко дну?
Веровать в то, что всегда неизменно,
Зная,
Что как это несовременно
Выть на луну?

Надо же было случиться такому.
Надо же было

к чему-то простому
Чувства питать!
Мы же питали к тому, что летает,
А оказалось —
То воронов стая...
Что ж тут роптать.

Звезды колышутся
В медленной Зее:
Кто-то надеждою поле засеял —
Вдруг уродит?
А надо мной,
Над вершинами сопок,
Весело путая все гороскопы,
Спутник летит!

Что ж, загадаю
на спутник летящий!
Что, непутевому, может быть слаще
Зова светил?!
Вон на ладони пространства земного
Линию жизни
легко и рискованно
Он прочертил.

* — Название горного хребта

НОЧЬ НА АМУРЕ

Воду черную морщина,
Теплоход легко бежит.
Мерно стучает машина,
Мелко палуба дрожит.

Звезды бродят в черной бездне
Среди облачных террас...
В третьем классе едут песни,
В первом классе — преферанс.

Это так несовременно,
Если в мире тишина,
Если рядом
откровенно
Первобытная страна.

Волн глухое лепетанье,
Древний выговор реки...
Здесь живут островитяне
Всем эпохам вопреки.

И, в ночи собравшись кланом,
Важно судят о делах,
Упоительно и плавно
Няньча трубочки в губах.

Судят, головы морочат:
Дескать, трудно стало жить.
Утонула оморочка —
Надо бога ублажить.

О рыбалке, о погосте...
И особый грамотей

*Все запишет на бересте
Рыбьей костью без затей.*

*Все, как есть, обсудит племя,
Отойдет ко сну народ...
Ночь, глубокая, как время,
Втягивает теплоход.*

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

Как морозы лютуют
В запурженных зейских верховьях!
Словно бы аттестуют
Людей по любви и здоровью.

Все же, как ни бахвалятся,
А в поселочек, точно по времени,
Каждый день пробивается
Вездеход из предутренной темени.

Так уж, видно, угодно
Отряду военных строителей:
Не считаясь с погодой,
Высылать своего представителя.

И машина серьезная
У оградки замрет аккуратненько,
Выйдет в темень морозную
Представитель по имени Катенька.

И взбежит на крылечко
Всепогодно веселого здания,
Прокричав через плечико:
— Товарищ сержант, до свидания!

И от имени части
Козырнет ей водитель отчаянный:
Как-никак, а начальство,
Если учится в школе начальной!..

Батальон наступает —
И дорожная насыпь бугрится.

Батальон понимает,
Что сверх штата — одна ученица.

Батальону не сладенько,
Потому как земля — что гранит.
Только помнит и Катенька:
Замполит — это не Айболит.

Он придет неожиданно —
Уж такой у него недостаток —
И не скажет обидного,
Потому как в оценках он краток.

Он раскроет на скатерти
Дневничок и на стуле устроится.
Да ка-а-ак скажет ей:
— Катенька!
Что-то "троечек"
вроде б утроилось!?

И ее объяснения
Он, конечно, поймет, но нахмурится,
И от этого мнения
Впору выскочить Кате на улицу!

Но, со стула поднявшись,
Он ее над собою подбросит!
Станет вовсе не страшно:
Ничего-то он больше не спросит!

МЕСТНЫЙ ПОЕЗД

Ах, этот поезд дерзкий,
Ему — хоть под откос!
Ни дать ни взять —
 курьерский,
Когда пойдет вразнос.

Тот плавлен так —
 на зависть
И важен так на вид.
А этот же, мерзавец,
Вприпрыжку норовит.

Сосед во сне елозит,
Трясет — неловготу.
Наверно, паровозик
Шурует на спирту.

Но,
 в слабости вникая,
Сказать я должен здесь:
Какая-то
 такая
В нем прелесть все же есть.

Он так людем напичкан,
Что не ступить ногой!
Но он
 демократичней
От тесноты такой.

Коль местный, так — безместный,
Езжай хоть на весу!

И говорок непресный
Тем поездом к лицу.

Под эти "тары-бары"
Почудится, что вот
За общим самоваром
Собрался весь народ.

А то вот, как с разбега
Да в омут, канешь в сон —
И явится
 телега —
С травой или овсом.

Трясет ее проселок,
И конь бренчит уздой,
И ты —
 такой веселый,
К тому же —
 молодой!

Луга да перелески,
И не в беду — беда!..
Такие сны
 в курьерских
Не снятся никогда.

Поверите, быть может,
А может быть, и нет...
О боже! С полки все же
Свалился мой сосед!

ЗИМНИК

Черные баржи в замерзшем затоне,
Словно изюминки
 в белом батоне,
И — ни души...
Словно бы Время само на отстое —
Лошадь,
 позвякивающая уздою,
Снегом похрустывающая
 в тиши...

Встала река.
 Наработалась сладко.
Средь суеты и земных беспорядков
Вот ухитрилась
 замкнуться в себя.
Хватит забот ей и без теплоходов!
Надо творить, что велела Природа,
Время текучее не торопя.

В этих заботах, Природе на прибыль,
Выкормить,
 выходить
 выводок рыбий —
То-то под панцирем вольно малькам!
Надо творить, что Природа велела, —
Мало ли сколько назначено дела
Рекам, земле, работающим рукам!

День начинается тихо и снежно,
Сомкнуты право- и левобережье,
Дремлет в затоне натруженный флот.
Пусть ему сны предвесенние
 снятся!

Будет всю зиму перекликаться
Зимник
 с подледным движением вод...

СУЛУК*

Шел дождь неделю — и Сулук
Грузнел от грязи непролазной,
И не до нас ему, так вдруг
Свалившихся, к тому же праздных.

Когда, на нет сводя труды,
Природа, слово бы в отмщенье,
Вдруг принялась в разгар страды
За выяснение отношений.

И выяснила. Но еще
Даль закрывал туманный полог,
Где сопки мощное плечо
Держало бережно поселок.

И лиственниц тяжелый строй...
И здесь, в глуши, среди потопа
Вокзал в отделке дорогой
Был — как усмешка филантропа.

И мне понятен был мой друг,
Когда, форсируя траншеи,
Он размышлял ворчливо вслух,
Что "строить можно подешевле".

И в этот миг
из плена туч
На волю вырвалось светило —
И прояснило абрис круч,
И светом мрамор окатило!

И засветилось изнутри
Ответно мраморное тело,

И ровным отсветом зари,
Живое, вспыхнувши, горело,

И, вынырнув из сентября,
В нем трепетал пейзаж таежный,
Как бы разглядывал себя
Впервые в зеркале неложном;

И запах праздничный смолы
К нам нанесло оттуда с ветром...
Вот так из сумеречной мглы
Россия
вынырнула к свету.

Не век отмерили — года,
Ведь научились, можем, смеем...
А сколько стоит красота —
Так это солнышку виднее.

* — Станция на восточном участке БАМа

СКУЛЬПТОР

Был забулдыга, склонен был к запою,
Но Муза иногда, а навещала:
И вылепил какому-то герою
Он памятник. И пресса отмечала!

И стал он замкнут и высокомерен,
От старой пьяни ничего в помине.
Порозовел и утвердился в вере —
Не бублики же он печет из глины!

Не обижайтесь на него, простите,
Не умирать же от житейской скуки!..
Он в мастерской. Он, может, Афродите
Милосской
присобачивает руки.

* * *

Вспомнил, контуженный
До одуренья бессонницей,
Под самолетный,
По окнам ударивший гул,
Дальний поселок
горняцкий
По имени Солнечный —
Словно по лучику к солнцу
Из ночи шагнул...

Помнится,
Был я нелеп,
Точно хлюстик нафабранный,
В модных штиблетах
Пижон из журнальчика мод,
В чреве грохочущей
Обогатительной фабрики,
Где совершался
Жестокий руды обмолот.

Камни крошила
Железная сила крутая,
Мутные воды текли
Лабиринтом запруд...
Шел я за гидом своим,
Напряженно вникая
В смысл и механику
Обогащения руд.

Гид-инженер,
Исчерпав красноречие в числах,

Свел объясненья
К идее наивно простой:
Обогатить — если проще,
То значит — очистить,
Значит, руду отделить
От породы пустой.

Так он сказал — упрощенно,
Но как убедительно!
Мельницам верьте,
Умеющим камни дробить!
Это доказано фабрикой
Обогатительной:
Обогащаться —
Не значит богатства копить.

* * *

Все, как есть, вокруг перемесили,
Строили, а получалась грязь.
И одна надежда — на семмию,
А покуда вновь — из грязи князь...

1999, в июльскую жару

ДОРОЖНАЯ КАРТИНКА

Автопробка. Психует народ
На дорожном крутом повороте,
Где по-мартовски глупый, как кот,
Грузовик "объяснился" "тойоте".

Словно здесь перекресток весны,
Где извечны любовные споры.
И причины, должно быть, ясны
Лишь инспектору, сбоку который.

У него озадаченный вид,
Осуждение в строгой осанке:
Как немытый родной грузовик
Прилепился к плечу иностранки?

Это было б смешно — "се ля ви",
Мы приучены к автозаторам.
Но смущают мигалки ГАИ
И решительность медленной "скорой"...

Отобьешь косу,
отыщешь
Косовище по руке —
И пойдет коса,
засвищет,
Точно рыбка по реке!..

Наломает косовица
Руки Славкины в плечах,
И на сердце
отстоится
Накись серая — печаль.

А когда уже крестьянин
Разомнется на косьбе —
Так потянет,
так потянет
Прииск мастера к себе!..

ПЕРЕВАЛ

Г.Граубину

Стой, шофер — лихач бывалый,
Не смеши народ честной!..
Перед самым перевалом
Пункт
контрольно-пропускной.

Не гляди с ухмылкой, криво,
Снегирева Кольки * брат!
Можно запросто с обрыва,
Как и Колька в аккурат.

Техосмотр.
Глотая ропот,
Черта руганью не зли:
Самолично этот штопор
Им закручен в глубь земли.

По его крутой спирали
Заползаем в облака.
Тормоза бы вдруг не сдали
Да не дрогнула б рука!

На последнем напряженье
Нестерпим моторный вой.
Дьявольское искушенье —
С маху в пропасть головой!

...Сник подъем на повороте,
Ну теперь полегче — спуск.
Только в сердце побороть бы
Дикой скорости искус!

Да еще — держи педали!
Разнесет наверняка! —
Тормоза бы вдруг не сдали
Да не дрогнула б рука...

Все. Спустились.

Дальше — скатерь,
Можно ехать налегке...
Что-то прыгает некстати
Папиросочка в руке.

Шмыгнул носом: "Ну и шельма!"
А теперь давай, гони!..
Что так смотришь
задушевно
На инспектора ГАИ?

Что так едешь,
словно тропкой,
Неторопко, не спеша?
Знать, товарищ мой неробкий,
Не пришла в себя душа.

Мы еще с тобою в силе,
И в глазах еще — гроза!
Только б нас не подводили
Сердце, руки, тормоза.

* — Герой шоферской песни о Чуйском тракте.

* * *

Анатолию Пчелкину

Высоковольтным током — провода,
Прохватит строчка
 в стареньком блокноте!..
Я благодарно вспомнил,
 как тогда
Так славно было мне в Эгвекините!

Свалились тучи на залив Креста.
А нам-то что, когда мы знали точно:
Родимая Полярная звезда
Закреплена над головами прочно.

Незримая, она была близка,
Она в стакане весело плескалась!
И Муза самодельная, дерзка,
С классической музою сливалась.

И взрывчатые в споре, как фугас,
Мы голоса срывали до сипенья.
Как на двоих,
 на распрекрасных нас
Хватало у его жены терпенья!

А потому, скажу вам, что жена
Была прекрасна тоже без сомненья.
И ласковая тундра после сна
Дарила гостю, мне, свои растенья.

Он называл их мне по именам,
И свистом позвала его евражка.

Он здесь был свой
и был, как тундра, сам
С улыбкой беззащитною — бесстрашным...

Я знаю, что мой друг уже давно
Оставил берег милого залива.
И с горечью подумал:
без него
Как там сейчас, наверно, сиротливо.

Не трожьте старых записей — строка
Развеселит, а болью отзовется.
Как странник, к ней пришел издалека —
Как жалок я
над высохшим колодцем!

Но адрес вот... А там — Аэрофлот!..
И мысль оборвалась на горькой ноте:
И встретишься — и вдруг поймешь,
что тот,
Кто друг тебе, все там, в Эгвекиноте...

* * *

Оказался я рядом в порту
С этой женщиной,
сгорбленной горько,
Затерявшейся в сене иголкой,
В уголочке. Платочек — ко рту.

Порт, он порт: надрывалась струна,
Пели, ели, кричали от злости.
Порт, он — порт...
И вдовой на погосте
Содрогалась от плача она.

Это выдержать не было сил!
И, коснувшись дрожащего локтя,
— Что случилось? — спросил я неловко. —
Кто обидел вас? — тихо спросил.

«Отойди!» — прокричали сперва
Мне в упор голубые окружя.
И... в плечо мое ткнулась,
и тут же
Больно хлынули горлом слова.

Все о том — не сложилась судьба,
Долго-долго она причитала.
А потом отвалилась устало
И смахнула кудряшки со лба.

Вот и легче — к чему голосить?
И лицо ее все прояснялось.
А нужна была самая малость:
— Что случилось? — однажды спросить...

* * *

А.Поленову

Только встретились — надо прощаться...
Так, должно быть, угодно судьбе.
Но навек,
Петропавловск-Камчатский,
Этой встречей обязан тебе.

Было все и светло, и непьяно.
На прощание друг-офицер
Толковал мне про тот,
 в океане,
Разделяющий страны барьер.

Не стена, чтоб вздымалась бы круто,
Ни столбов, ни шлагбаумов, но...
— А к барьерам идут не для шуток,
Что поэтам известно давно...

Говорил он немного жалебно,
И в глазах огонечек рябил...
Но вы б знали, каким он
 железным
И веселым на мостике был!

Там, далеко-далеко от берега,
Где не плавают птица баклан,
— Ну-ка, где она бродит, Америка? —
На локаторный взглянет экран.

И покажет мне точечку эту,
Где патрульное судно бежит —

Словно черный зрачок пистолета,
Что на уровне сердца дрожит.

— Ну, до встречи...
— Конечно, до встречи!
Мы еще повидаемся, верь...
И уже — плащ-палатка на плечи,
И, как выстрел, ударила дверь.

За окошком тревожная темень.
Мне и гордо, и больно: а вдруг?..
Ведь всегда между мною
и ТЕМИ,
В дождь и темень, упрямо — мой друг.

УТРО

Уже и звезды гасли неприметно,
Прорезывались избы, деревья,
И брезжили в душе моей рассветно
Простые, первобытные слова.

Уже от озера
с названьем Кизи
Туманом отходил глубокий сон.
Но все казалось, что в преддверьи жизни
Мир в чем-то главном не был завершен.

И, словно бы в ответ на эти мысли,
Раздался скрип негромкий в тишине —
И женщина
с веселым коромыслом
Явилась миру спящему и мне.

Она ступала по-крестьянски мудро,
И плыли ведра, чуточку дрожа.
Приветливо и внятно:
— С добрым утром! —
Упало в утро каплею дождя.

И лик ее улыбка озарила —
О, да пребудет женщина в чести!
И все живое вдруг
заговорило —
Вскричал петух, и дятел зачастил.

БУХТА СВЕТЛАЯ

Прощай же, бухта Светлая!
Пора и дальше в путь.
Залетный ли,
 заветный ли
Был гость — не обессудь.

Я не искал подачек,
Ушицы пожирней.
Я стать хотел богаче
На несколько друзей.

Чтоб были мне — как палуба,
Как чайке — два крыла...
Спасибо тебе, малая,
Что много мне дала,

За то, что скрытых мглою,
Нас в бешеных морях
Спасительной рукою
Твой выловил маяк.

Бока твои ободраны
Ветрами всех широт...
Спасибо, что ты гордая,
Как Родина и Флот!

Не зря кричал в запале
Любимец пристаней:
 — Я жил в Москве бы, парень,
Да моря нету в ней!
Такого, чтобы — с ветром,
И — кругом голова!..

Спасибо, Ваша Светлость,
За честные слова.

Спасибо, не за милость,
За то, что мы свои...
Одежкой на вырост
Дарения твои.

ПРИГРАНИЧЬЕ

По весне одни везде заботы,
Что по духу — празднику под стать...
Ишь, как ладно он вошел в работу,
Как ритмично взблескивает сталь!

И парит под теплым солнцем пашня,
Словно бы отходит ото сна,
И сверкает росно без рубашки
Беззащитно белая спина.

В ритм войти — а там пойдет, не внове!..
Только — что с ним?

Словно кто позвал:

Развернулся — как на полуслове
Начатую песню оборвал.

И застыл на миг в неловкой позе,
Опершись на черенок рукой,
Словно бы почувствовал угрозу
В перелеске близком, за рекой.

Оглядел свой бережок пологий:
Вон застава — как и должно быть...
Устыдился ли своей тревоги?
Или просто — захотел попить?

Надо ж человеку распрямиться,
Чтоб водицы кружечку — до дна!
Или для того,
 чтоб убедиться,
Что спина его защищена?..

Из абхазской поэзии

Виталий АМАРШАН
(Маршания)

РУЧЕЙ

Шагал я долго за ручьем,
Пока дошел до устья.
И вот, немало удручен,
Смотрю с невольной грустью...

Да, путь его нелегок был
До устья от истока.
О, как нещадно торопил
Его порыв высокий!

С таким упорством среди скал
Он пробивал породу,
Как будто к морю путь искал,
Искал большую воду.

Из чистоты содеян весь,
Берег свою прозрачность,
Как бережет горянка честь
Для ночи новобрачной.

Ни разу не передохнуть —
Ужасная работа!
И наконец закончить путь.
И впасть.
Куда?
В болото!

* * *

Век доживала старая ольха,
Прижавшись грузно к изгороди сада.
Не поднималась на нее рука,
Хотя давно срубить бы ее надо.

Но то, на что решиться я не мог,
Ночная буря весело свершила.
Я утром вышел — в сад наискосок
Ольха упала, обломив вершину.

Ех афасит! * О сколько полегло
Побегов юных под корявой тушей!
Вот яблонька... Вот вишенку смело!..
И проклял я себя за слабодушие.

* — Абх. адекватно — "разбей гром",
"черт возьми".

* * *

Небосвод насквозь промок,
А в денек ведренный
Синь-слезу в горячий мох
Выплакал приветливо...

Как зовут тебя, цветок,
По имени-отчеству?
С ноготок всего росток —
Пожалеть хочется.

А жалеть — не резон,
Не унизь, жалея!
Ибо тундра — не газон,
Не оранжея.

Тундра влагой налита,
Чаем перегретым...
Здравствуй, молвлю, красота,
На краю света!

Как пурга тебя секла —
Да не выкосила.
Перекрашивала мгла —
Да не выкрасила!

Сквозь такую маету
Пронесла нежность...
Видно, крепко красоту
Корешки держат.

ДОЖДЬ

Дождь моего прихода не дождался...

Ночь истопилась

салом на жаровне,
Нешадно источая дым "Родопи",
Когда я отвалился от стола.
И тяжело забылся...

Только в полдень
Я вывалился в мир из духоты.
И — замер и ослеп!

И свежий воздух
Заклокотал в прокуренных мехах.
А мир сверкал! И крыши и деревья
Дымились влажно,
и совсем бесстрашно
Мальчишки, хохоча, большие солнца
Ножонками дробили, как стекло.
А воздух был шипуч, как газировка,
И, возвращаясь к жизни,

я подумал,
Некстати вовсе: "Кто устроил праздник,
Облагородив землю синевой?"
Душа еще жила ночным угаром
И задышалась глухо, как астматик,
Ей не хватало встряски, по всему...
И в эту же минуту
встречный тополь —
Подросток с "неудом" по поведению —
Вдруг каплю мне за ворот уронил.
Я вздрогнул.

Замер...

И зашлось дыханье,

Когда она скользнула меж лопаток.

И понял я: недостает дождя!

Дождя! Дождя!

Чтоб полоснули струи

По телу, разомлевшему от зноя,

Чтоб грозовые яростные токи

Души достигли, ей напоминая

О неземном причастии ее!..

И с грубоватой нежностью собрата

За этот миг дарованный прозренья

Упругий ствол

я качнул плечом.

Он вздрогнул понимающе —

и тут же

Обрушил на меня каскад дождинок:

Хотел дождя — не жалуйся теперь!

Все это было

так по-человечьи,

Что я не мог сдержаться —

рассмеялся!

И, ухватившись за него руками,

Стал с яростной беспечностью трясти.

Давай! Давай!

Одаривай!

Спасибо!

Я опоздал к дождю — а он так нужен,

Чтоб освежить усталый мир

и душу,

И в радости людей объединить.

Еще! Еще!

Чтоб я навек запомнил,

Что в час тоски

и в час моей работы

Ты для меня упрямо сберегаешь

Частицы
 очистительной грозы!
...И уходя уже,
 я наклонился
И различил — едва-едва — травинку:
Она, сгибаясь до земли,
 держала
Огромную и солнечную каплю —
Наверно,
 берегла
 для муравья.

СОДЕРЖАНИЕ

Автор о себе и в связи.....

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

“Твои цветы поотцветут...”	11
Бессонница перед грозой	12
Подкова	14
Старики	19
“Война в начале только”	21
“Прошлого стали стираться детали...”	22
“Упаду на соцветия клевера...”	23
В то лето...	25
В родительский день	27
“Спит село на Осиновой речке...”	29
Крестьянские думы	30
Сторона дорогая моя...	31
“Приехал под родительскую крышу...”	33
Помощник	34
Муравей.	36
“Вовсе не скучно...”	38
Бира.	39
“В ночь, беззвездную, как бездна...”	41
“Коль музыка юному чаду...”	43
Признание в любви	45
В Москву, на учебу...	47
Ненастье	49
Обнова.	50
“Мальчишка спит...”	51
“Этот послевоенный набор...”	53
Опята	56
“Я прожил жизнь...”	57
Арсений Тарковский играет в бильярд	59
Слово к восьмидесятилетию	61
“Девочка-птаха...”	62
Меньший брат	63
“Друг о друге — так, обмолвки...”	64
“Любите простые ремесла!..”	65

Из монгольской поэзии

Долгорын НЯМАА

Мяч и ребенок	66
Тарвас	66
Потерянный мальчик	67
“Покинул землю самолет...”	71
Черемуха	73
Пророк	75
Танцы	77
Снился сон... ..	79
“Вспоминаю ту беду...”	81
Подмости	83
“Он ранен был в трудных боях...”	84
“Где-то залпы били прицельные...”	85
“Ну, отстрелялись и отголосили...”	86
“Детство — старое кино...”	87
“На трюме баржи спал я...”	89
Механик	90
Плановик	92
“Будь славен пасечник!”	94
Сварщик	95
Землетрясение	96
“Мне кажется нестойкой тишина...”	97
“Как-то под осень...”	99
“Золото был паренек...”	101
Поле одиночества	102
Опыт	104

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПЕЧАЛИ

“Вы правы. Я, конечно, старомоден...”	107
Куст орешника	108
Уроки белописания	110
Слабость	112
“Как скорбный дом, опустошенный вдруг...”	113

"Ни словечка в этой песне..."	114
Летучее слово	115
Молчанье	116

Из нанайской поэзии

Андрей ПАССАР

Немая птица	117
"От зауми..."	119
"Нынче жалобы слушал всю ночь..."	120
"Не говори о возрасте, не надо..."	121
"Господи! Сколько же мы говорим!.."	122
"Березник желт..."	123
"Спасибо вам всем, кто меня..."	124
Кузнечик	125
"Я саженец посадил в почву..."	126
"Нет, не знаком я с этим стариком..."	127
"В поэзию пошел..."	128
"Вот книга — банальная драма..."	129
Этюд с лимоном	130

Из якутской поэзии

Семен ДАНИЛОВ

Алгыс	131
-------	-----

Моисей ЕФИМОВ

Восход солнца	132
"Так всегда и бывает, но все же..."	134
Из цикла "Непогода"	
"Неслышно желтым обметало лес..."	135
"Отвергну прощенье и жалость..."	136
"Вот завершается круговорот..."	137
Предзимье	138
Этой зимой	140
Большая вода (поэма)	142
Чайки	150

ОДЕЖКА НА ВЫРОСТ

Из цикла "Звездный створ"

Перекрытие	153
Автограф на камне	158
Створ прощания	160
Концерт	162
"Освободиться бы от укоризны..."	164
Ночь на Амуре	166
Представитель	168
Местный поезд	170
Зимник	172
Сулук	173
Скульптор	175
"Вспомнил, контуженный..."	176
"Все, как есть, вокруг перемесили..."	178
Дорожная картинка	179
"Промприбор породу гонит..."	180
Перевал	182
"Высоковольтным током — провода..."	184
"Оказался я рядом в порту..."	186
"Только встретились — надо прощаться..."	187
Утро	189
Бухта Светлая	190
Приграничье	192

Из абхазской поэзии

Виталий АМАРШАН (Маршаниа)

Ручей	193
"Век доживала старая ольха..."	194
"Небосвод насквозь промок..."	195
Дождь	196

Михаил Феофанович Асламов
ПОДКОВА В НАСЛЕДСТВО
книга стихов

Сдано в набор 10.07.99 г. Формат 70 х 90. Бумага офсетная.
Гарнитура Futuris. Усл. печ. листов 6,0. Тираж 500 экз.

Редакционно-издательский центр «Приз».
680000, Хабаровск, пер. капитана Дьяченко, д. 7а.

Лицензия ЛР №030363

